

Константин Фрес

Невеста Короля Воронов

«Литнет»

2019

Фрес К.

Невеста Короля Воронов / К. Фрес — «Литнет», 2019

Быть серой незаметной мышкой, от рождения увечной хромоножкой, не надеяться на брак - и очутиться в чужом теле, практически в свадебном платье?! И жених хорош собой, знатен и богат, настоящий Король. Да только он - само зло во плоти, порочный и развращенный, ну чистый дьявол. И он не сможет ни оценить чистоты своей невесты, ни ответить ей взаимным чувством, ведь брак этот - вынужденная мера, и жених скован обстоятельствами. А это чувств к невесте не добавляет! И вот уже она не хочет этого союза еще больше, чем он сам. Но, похоже, уже ничто не сможет помочь ей, и Невесте Короля Воронов стоит лишь покориться своей судьбе и отдаться во власть не любящего ее мужа...Внимание! Наличие графических сцен сексуального характера, насилие! Хэппи Энд гарантирован.

© Фрес К., 2019

© Литнет, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Король Воронов	6
Глава 2. Красавица Изабель и чудовище Анна	12
Глава 3. Королевские смотрины	18
Глава 4. Заклятие тысячи любовников	27
Глава 5. Король и Королева	31
Глава 6. Королевская свадьба	37
Глава 7. Катание розового жемчуга	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пролог

Издревле существовала легенда: когда погаснет солнце и на земли Воронов падет тень зла, порока и отчаяния, когда брат пойдет на брата, и в почете будут хитрость и жестокость, род королевский почти прервется, и явится Двуглавый Ворон, чтобы поставить точку в существовании Рода Воронов. Лживое, опасное существо, он будет желать только одного: бесконечного зла всем и каждому и безнаказанности себе во всех его преступлениях. Тень его крыльев затмит белый свет, и кровавой пленой застит глаза Воронов.

Вороны лишатся своей магии; и будут распри, заговоры и тогда трон сможет занять любой - потому что все будут думать только о золоте и драгоценных камнях, которыми полны королевские подвалы, а не о том, как сохранить свой народ и магическое могущество.

Слишком много будет врагов у Короля Воронов, и оттого слишком очерствеет его сердце - от предательств самых близких и преданных ему людей; слишком много лжи он выслушает и перестанет верить в добро, честь, преданность. Слишком много женщин захочет разделить с ним ложе - не потому, что будут любить его, а затем, чтобы в обмен на свое прекрасное тело выгадать себе дорогой подарок или должность при дворе, - и Король перестанет верить в верность.

Слишком часто будут произноситься такие слова как любовь, искренность и долг чести, и слишком мало они будут значить. Слишком много людей будет интриговать и творить злые дела, за что Король Воронов будет осуждать их и отнимать магию, присваивая ее себе.

Такое случилось однажды; Друиды, чьи вороны крылья, посеченные дождями и овеванные ветрами, поседели от пролетевших над ними веков, с ужасом вспоминают эти темные времена и жестокого, порочного Короля, в чьей руке была зажата вся магия, что была отведена на целый народ.

Он был всемогущ - и незащищен, потому что одинок. Он почти потерял веру в людей и сам превратился в развращенного властью и богатством мерзавца. Не оставалось ни единого верного ему Ворона, на крыло которого он мог бы опереться.

И тогда произошло чудо.

Седые Друиды умалчивают, не говорят всего, пряча улыбки в черных блестящих перьях.

Король женился на седьмой дочери Ворона - единственно верного ему человека, который любил своего жестокого Короля и верил в росток добра, что был скрыт в его сердце, окаменевшем от зла целого мира.

И вместе с нею в королевство пришли мир и добро.

Но что за чары были скрыты в Королеве Воронов? О том молчат седые Друиды.

Глава 1. Король Воронов

Король Воронов Влад Корвус Кроу был самым красивым мужчиной в королевстве.

Льстивые придворные могли не повторять ему это изо дня в день, и в зеркала нужды смотреться не было. Красота Короля была так ослепительна, что женщины замирали на миг, увидев его впервые, и прикрывали глаза, словно глянули на солнце.

Он был выше придворных, выше самого высокого из них на полголовы, сложен как бог, широкоплеч и силен. Движения его были плавны и исполнены величия, умение держать себя в обществе - безупречно; одного поворота головы Королю было достаточно, чтоб заставить кого-либо умолкнуть и благоговейно затрепетать.

Одинаково хорошо он танцевал на блестящих дворцовых полах на балу – и стрелял из арбалета на охоте. Одинаково бесстрашно выставлял пику навстречу бегущему на него дикому вепрю – и лазил в окна придворным дамам с целью наставить рогов знатым мужьям.

Его предки собирали красоту для него веками, как искусная вышивальщица – самые яркие шелка и бисер для своей работы, - выбирая самые изысканные семьи для продолжения рода. Матовую белизну кожи и алый румянец четко очерченных губ; иссиня-черный шелк волос и ресниц, красивый изгиб бровей и утонченность прямого носа с изящно и причудливо вырезанными ноздрями. Тонкость белых, словно выточенных искусным резчиком из слоновой кости, пальцев – даже ногти, казалось, были вычищены природой до идеала. Ни лишнего пятнышка, ни тени болезни.

Но самым красивым и невероятным сокровищем были его глаза – светло-зеленые огромные озера света под черными ресницами и темными бровями вразлет, глаза, словно сложенные ювелиром из пластинок самых дорогих и самых прозрачных изумрудов и светлой слюды. Волшебное зеркало, в котором отражались веками собираемые мудрость, сострадание и нежность.

Какое лживое зеркало!

Если смотреть Королю Воронов в глаза, можно было потерять голову и поверить в его неимоверную доброту. Казалось, изумрудные глаза были полны боли и готовы истаять прозрачными драгоценными слезами.

Но стоило глянуть на его ехидно улыбающийся рот, как все иллюзии относительно Короля улетучивались, а его белозубая улыбка и колкие слова окончательно утверждали в мысли о том, каков он – Король Воронов. Циничный и жестокий человек; пожалуй, самый порочный и страшный в королевстве...

У Воронов глаза темные; чернее непроглядной ночи, краснее рдеющих углей, словно блестящие бусины из рожденного в огне вулкана обсидиана. И потому лучистый взгляд светлых злых глаз Короля был так необычен, что притягивал взор прежде всего остального, прежде богато украшенной одежды и драгоценных перстней на пальцах. Говорили, что глаза его посветлели от магии, что Король Воронов зажимает в своем кулаке, но так ли это – никто не знал.

Все старинные легенды он знал, несомненно. И в одном его холеном пальце было больше магии, чем во всех его советниках и бравых вояках вместе взятых; а оттого к преданиям о том, целое воронье государство может спасти всего-то женитьба на девице Вороньих кровей, умудрившейся родиться седьмой по счету, относился весьма скептически. Король верил в силу; а ее у него было недостаточно, чтобы решить возникшие разногласия с Коршунами.

От одной мысли об этом клане Ворон до хруста в суставах сжимал кулаки, смертельная бледность наползала на его прекрасное лицо. Коршун-отец откровенно издевался; он претендовал на южные земли, издревле принадлежащие Воронам, его сборщики налогов уже трижды осмеливались обдирать местных жителей. А армия Воронов поспевала к месту столкновения слишком поздно...

Будучи честолюбивым и гордым монархом, Король Воронов едва не рычал от ярости, получая эти обидные оплеухи – а это были именно пощечины, который Коршун-отец неспешно и весьма охотно, с наслаждением, отвешивал рукой, затянутой в окованную сталью перчатку, по холеному, породистому лицу Короля Воронов. Послы Коршунов заверяли его в вечной дружбе сладкими голосами, которые, наверное, позаимствовали у соловьев, повырывав им языки, а их солдатня грабила границы, глумясь над Воронами и понося Короля последними словами.

Именно тогда Друиды и заговорили о женитьбе Короля, бормоча какие-то глупости о пророчестве и спасении.

Король усмехался; Истинных Воронов, равных ему по знатности – а значит, и по магическому статусу, - он знал всех наперечет, и никто из них не поддерживал Древнего Учения и Служения. Один, Старший Ворон, наплодил только сыновей – чертова орава одинаковых на лицо высокомерных молодых щеголей. Говорят, даже бастарды Старшего Ворона его точные копии. Королевский Вассал нарочно это делал, в том Король мог поклясться; зажигая свою магию в новых родившихся от него существах, Старший Ворон словно личную армию собирал.

Вспоминая его недобрый взгляд и преувеличенно уважительные поклоны, Король думал, что Старший Ворон уже видит в своих мечтах свою задницу на троне, а на своей коротко стриженной голове – королевский венец.

Младший Ворон, хитрец, ограничился тем, что родил двух прелестных дочерей, одна краше другой. Он тоже претендовал на трон, но иначе, чем Старший Ворон; его старшая дочь, златокудрая прелестница, более похожая на голубку, на своем первом в жизни балу приглянулась Королю, и он сделал ее своею; вторая дочь Младшего Ворона была не такая красавица, как первая, но умница – она выучилась на лекаря. Она залечивала немудреные королевские болезни – будь то ранение на охоте или неудачное покушение на короля, - но эта разумность не помешала Королю обесчестить и ее тоже.

Впрочем, Младший Ворон был еще молод, и вполне мог родить еще и сына. Он ничего не терял, в любом случае.

О Среднем Вороне, мрачном старом рыцаре, толком никто ничего не слышал. Он давно не посещал двор, жил тихо и скромно в своем замке где-то так далеко, что придворные издевательски посмеивались над стариком, делая изумленные лица и говоря:

- Что!? В тех краях разве существует магия!?

Потому-то послание от Среднего Ворона, который, казалось, совсем позабыл о столице с ее праздными удовольствиями и порочными развлечениями, о Короле и о магии, было как гром среди ясного неба. От письма его пахло магией – такой сильной, такой свежей и нетронутой, что Король перед тем, как распечатать письмо, велел всем выйти вон и закрылся в тронном зале с Друидом наедине.

Старший Друид ломал сургучную печать на письме при Короле – и переломить ее смог очень не скоро и с превеликим трудом. Пальцы его тряслись, когда магия с легким звоном стекла с бумаги вместе с сургучным крошечком, а Король Воронов слышал скрипучее старческое хихиканье, с которым старый рыцарь мог бы наблюдать за всеми усилиями, которые Друид прикладывал к тому, чтоб распечатать письмо.

- Однако, - произнес Король изумленно, заметив, как Друид вытирает тайком взмокший лоб. – Ну, так что там? Для чего потребовалась эта секретность?

Друид промолчал, пробегаая взглядом строчки.

- Он пишет, - нерешительно и медленно произнес, наконец, Друид, - что чувствует приближение смертного часа и готов отдать вам свою магию. Родовую. Всю, что полагалась бы его наследникам – если б таковые у него родились.

- Однако, какая щедрость! – произнес Король, смеясь. – И сколько там этой магии?

- Он пишет, - так же нерешительно, словно потрясенный до глубины своей души, продолжил чтение Друид, - что об этом можете узнать лишь вы.

Он передал бумагу Королю в руки, и на ней алым загорелись буквы, обугливая письмо.

«Я остался верен Вам, Древнему Учению и Служению, - прочел Король. – Может, единственный и последний из всех Истинных Воронов. Я не родил себе наследника, потому что чувствую – Вы нуждаетесь в моей поддержке и помощи. Многие годы я скрывал свою тайну, тайну Служения Вам. Я являюсь отцом Семерых Дочерей, и Седьмая Дочь – Пустой Сосуд, Вместилище. Это – тайна Королевы Воронов. Возьмите ее в жены, и Пророчество исполнится. Приданым за нею и будет вся моя магия, вся моя мощь и мое Воронье Благословение. В случае отказа, который может последовать – я хорошо знаю Вас и Ваше легкомыслие, - я отниму свою часть магии из королевских запасов, и Вы станете еще слабее и уязвимее, чем сейчас. Все это я затеял не ради того, чтобы породниться с Королем; не ради славы, положения в обществе и денег. Я хочу лишь помочь Вам и всему королевству. Такова моя цель и Служение».

Едва Король прочитал последние строки, как бумага в его руках вспыхнула, и он отшвырнул ее от себя прочь как ядовитую змею. От ярости светлые глаза его сделались почти белыми, он потирал руки так брезгливо, словно только что прикоснулся к мерзости.

- Пустой Сосуд! – произнес он. Голос его хрипел, тонкие красивые пальцы дрожали. Глядя сейчас на Короля, с трудом верилось в то, что он сворачивал шею медведю и потехи ради сгибал своими изнеженными холеными пальцами гвозди – так обессилен он был свалившейся на его голову новостью. – Вместилище!

Лютая ярость, ненависть послышались в его загремевшем на весь тронный зал голосе, и Друид лишь уважительно кивнул.

- Он предложил Седьмую Дочь, - подвел итог Друид, и Король перевел на него ненавидящий взгляд.

- Ты знал? – едва дыша от перехватывающей его горло злости, произнес он. – Ты знал?! .

- Знал ли я, - повторил Друид, - что Седьмая Дочь – это безумная юродивая? Конечно. Это всем Служителям известно.

- Ты знаешь способ, как помешать ему изъять свою часть магии?

- Нет, Ваше Величество. Этого способа не существует. Это все равно, что ловить руками воздух, чтоб не давать ему вдохнуть. Он сделает это, если вы откажетесь. Он отнимет ее, и ослабит вас – несмотря на свои заверения в любви и дружбе. Всем известен его норов – упрямый, жесткий и жестокий. Если он не пощадил собственное дитя, превратив его в... сосуд, - голос Друида дрогнул, - то, думаете, вас пощадит? Средний Ворон – аскет и отшельник. Он не одобряет столичных порядков; он неоднократно высказывался нелицеприятно обо всем, - Друид многозначительно глянул на разъяренного Короля, - что вы делаете, чем вы развлекаетесь... Он старше; и на основании этого он считает, что имеет право наказывать всех, кто принадлежит Вороньему Гнезду - в том числе и Короля. Заносчив и горд. Решил, что королевская семья нуждается в его крови. Вам придется жениться на этой... гхм... женщине. Тот, кто клянется вам в верности, нанесет вам смертельный удар, если вы этого не сделаете. И после него вы не оправитесь; ваши враги раздерут ваше королевство на мелкие кусочки, и первыми от него отщипнут по большому ломтю Старший и Младший Вороны.

- И ты так просто говоришь об этом?! Так просто?!

Казалось, от ярости Король Воронов сейчас умрет. Злость раздирала его сердце сильнее смертельной болезни, и он метался на своем троне в муке, словно сидел не на бархатном сидении, а в костре, на раскаленных углях.

Жениться Король не собирался; ни сейчас, ни потом. Ему достаточно было его многочисленных любовниц и свободы выбора, которую из них он хочет видеть сегодня в своей постели. Любви он не знал; а тщеславие подсказывало ему выбирать только самых красивых и самых изысканных женщин – как охотничьи трофеи, как прекрасные драгоценности, как изящные

безделушки и роскошные вещи, хозяину которых непременно позавидуют... Но кто позавидует мужу безумной?!

Пустой Сосуд...

Яростно кусая губы, Король понимал, что, скорее всего, именно в безумную женщину можно будет призвать любую магию и слить ту, что забрать у врагов. Замешанное на этой магии, его собственное семя прорастет в могучего наследника... Да мало ли еще вещей можно проделать с Вместилищем! Ведь само по себе Вместилище – это редкий магический артефакт, а Вместилище из семьи Истинного Ворона...

Но вспоминая все, что он знал о людях, которых так называли, Король снова стонал от муки и ярости, потому что понимал – ему придется с этой женщиной жить. Ему придется спать с ней в одной постели, ему, черт ее дерь, придется трахать ее – иначе как сделать Вместилище своим?! Как получить от нее наследников!?

И если отказаться от предложенного ему дара, от страшной жертвы, которую принес Средний Ворон, превратив собственного ребенка в бездушную куклу, в магический артефакт, последствия будут ужасны. Король едва не рыдал от злости, чувствуя себя обманутым, загнанным в угол. Это верность?! Это преданность и служение?! Разве просил он об этом?! Средний Ворон, старый зануда, сам решил так поступить... высокомерный подлый старый хрыч! Решил все за него, за Короля Воронов!

- Проклятый старик! – рычал яростно Король, стискивая в руках полу своего плаща. Друид молча стоял рядом с тронном, дожидаясь, когда вспышка гнева у монарха пройдет и тот успокоится. – Как он смеет принуждать меня?! Как он смеет?!

- Он не принуждает, - парировал Друид. – Он дает вам выбор.

Король метнул на него яростный взгляд.

- Это, - произнес он изумленно, - по-твоему, выбор?! Это шантаж! Эта верность хуже предательства!

Гневный голос Короля эхом заметался меж каменных стен, и Друид склонил голову, словно покоряясь воле своего монарха.

- Так что передать Среднему Ворону? – произнес он, когда вопль Короля стих и воцарилась тягостная тревожная тишина. Король с силой потер лицо ладонями, словно стирая с него липкую паутину, зажмурился, скрывая блеснувшие слезы.

- Передай, - глухо ответил он, не открывая лица, - что я официально признаю эту... женщину королевской невестой. В знак помолвки отошли ей кольцо с моим... с моим расположением и королевским подтверждением, - он бессильно махнул рукой и друид ловко поймал в подставленную золоченую табакерку королевскую магию. – И скажи... скажи, что я явлюсь на смотрины. К свадьбе нужно подготовиться. Никто не должен знать... - от ярости Король даже зубами заскрежетал, поливая злые слезы, - никто, ты слышишь! Никто не должен знать, что моя жена, жена Короля – безумна.

**

Когда шаги Друида стихли, из-за королевского трона светлой тенью выскользнула дочь Младшего Ворона, красавица Бьянка. У королевской любовницы была снежно-белая тонкая кожа, почти белые волосы, блестящие, тонкие и нежные, как свет луны, мягкими волнами ниспадающие до колен, и светлые голубые глаза. Бьянка носила светлые – голубые, серые, белые, - шелка, шитые серебром и золотом, и жемчуга, и о ней говорили – Белая из Рода Воронов.

Ангельская внешность, мелодичный голосок, гибкий и стройный стан, маленькие ножки и пальчики на ручках словно из самого чистого сахара – Король не мог налюбоваться на это причудливое творение природы. Злые языки говорили что Бьянка – верный признак вырождения и угасания рода, странное белое дитя, рожденное из-за того, что кровь Воронов не раз-

бавляется. Кажется, ее мать и отец приходились друг другу родственниками; но Королю на то плевать. Когда ее карминовые губы, глянцевого и темные, как спелая вишня, касались его губ, он забывал обо всех недобрых голосах, что называли его любовницу ущербной.

Весь тайный разговор она слышала, потому что, несмотря на королевский приказ, пряталась за трон, в густых тенях. Себя она давно считала хозяйкой как замка, так и королевства, хотя бы оттого, что Король, как ни странно, хранил некое подобие верности и питал привязанность к ангелоподобной Леди из Рода Воронов.

Бьянка была недовольна услышанным; она морщила хорошенький носик и дула яркие губки, ее тонкие ручки обняли плечи Короля, и в порывистом, быстром движении было много ревности и обиды.

- Женишься? – произнесла она, щуя светлые глаза.

- Я дал слово, - яростно кусая пальцы, ответил Король.

- Не лги мне, - ответила Бьянка. – Я видела, как ты отослал ей свое согласие. Я почувствовала его; ты можешь обманывать Друида, который не пробовал благородной магии, но меня тебе не обмануть. Это был необдуманный шаг; ты вздумал убить ее, а это значит, что у старого мерзавца будут все основания исполнить свою угрозу.

- Черта с два! – взорвался Король, и Бьянка успокаивающе погладила его иссиня-черные блестящие волосы. – Этот старый дурак и не поймет, отчего умерла его дочь. Мало ли болезней ходит по свету? Я дал согласие; я послал ей подарок – дорогой и роскошный. Я вызвался ехать на смотрины; кто докажет, что я виновен в ее смерти? Я не оставляю следов.

Бьянка снова поморщилась. Она склонила светловолосую головку ему на плечо, и если бы кто взглянул на нее в тот момент, на ее умиротворенное личико, на ее спокойный прекрасный лоб, то он нипочем не угадал бы, какие черные мысли шевелятся под ним.

- А нужно ли было так поступать? - капризно спросила она, водя белоснежным пальчиком по щеке Короля, обрисовывая его чувственные губы. - Что за вред тебе от безумной?

- Моя жена, - прорычал Король сквозь сжатые зубы, дрожа от злости, - не может быть юрковой и безумной! Никто не посмеет смеяться надо мной и моей женой у меня за спиной!

- Отчего нет? – Бьянка пожала плечами. – Я даже не ревную тебя к ней. Бессловесное существо; взял бы ее. И она тихо жила бы себе во дворце.

Король раздраженно фыркнул, нервно дернув плечом.

- Я не мог бы себя заставить притронуться к ней, - проворчал он.

- А зачем к ней притрагиваться? – ворковала Бьянка, запуская глубже свои белоснежные пальчики в его черную шевелюру, поглаживая его голову, отчего Король расслаблялся, прикрывал злые светлые глаза и стихал, туша гнев, раздражающий его грудь. – Зачем притрагиваться? Кому она может пожаловаться, что муж ее обходит стороной, и что постель ее пуста и холодна? Да и станет ли она жаловаться – она даже понять не сможет, что не нужна тебе. Она же... пуста. В ее разуме нет человека. Ее вообще почти что нет. Тебе предложили магический сосуд – вот и используй его по назначению.

- А наследники? – насмешливо произнес Король, бросив ироничный взгляд из-под ресниц на красавицу Бьянку.

- Ну-у, - протянула неопределенно она, изо всех сил стараясь придать себе вид расслабленный, задумчивый и беззаботный, но Король слышал, как участилось ее дыхание, как забилося сердце под шелками, кружевами и жемчугом, как дрогнул голос, в котором прорезалась хищная и жадная нотка. – Детей тебе могла бы родить я. А ты просто сказал бы всем, что их мать – Королева. Но так как она не в себе, то я бы стала их молочной матерью...

Эта тонкая, подлая хитрость насмешила Короля, он зафыркал, снова глянув на свою любовницу – на сей раз насмешливо, почти с презрением.

- Белых Воронят выдать за королевских наследников? – ответил он жестоко, наблюдая, как белоснежное личико Бьянки наливается румянцем мучительного стыда.

- Чем тебе Белые Воронята плохи? – прошипела она, отпрянув от своего любовника словно ожегшись. В ее светлых глазах промелькнула такая обида, что Король невольно усмехнулся. Он знал цену эфемерной невинности, каковой Бьянка отгораживалась от целого света. И ее алчное, одержимое желание во что бы то ни стало вскарабкаться на трон и усестись там как можно прочнее, он тоже знал; чувствовал.

- Они плохи тем, - с мстительной злостью произнес Король, отстраняя ласкающие его белоснежные нежные ручки, - что незаконнорожденные. И белые; кто поверит, что у черного Короля родятся белые дети?

- Ты мог бы всех убедить в этом, что это законные наследники! – зло прорычала Бьянка; ее ангельское смирение и спокойствие исчезли с ее хорошенького личика как по мановению руки, она скалилась и рычала как голодная собака, у которой отнимают кость. – Ты мог бы всех заставить молчать! Ты все можешь!

- Мог бы, - согласился Король. – Но не хочу делать этого. Поэтому – нет. Я не люблю, когда меня к чему-то принуждают; и интриги старого дурака, который решил породниться с королевской семьей таким экстравагантным способом, мне тоже не по нутру. Девушка получит мой подарок и мое согласие – и умрет. Надеюсь, ее судьба послужит тебе хорошим уроком?

Он ухватил ее личико – совершенное, словно вылитое из драгоценного фарфора, - за подбородок, и долго-долго смотрел в ее светлые глаза, удивляясь причудливой игре чувств и желаний, отражающейся в хрустальной глубине.

- Какая чудовищная, голодная алчность, - протянул Король, неприятно улыбаясь, глядя, как прекрасные черты Белой из Рода Воронов искажает чудовищная злобная гримаса. – Какое неистовое желание власти, поклонения, богатств! Из года в год я вижу в глазах моих подданных, приближенных, тех, кто называет себя моими друзьями только это – притворство и жадность! Быть может, ты права; быть может, мне не стоило ее убивать. Тогда я мог бы увидеть истинное бескорыстие в глазах безумной девушки... Может быть, в несчастной юродивой оказалось бы больше души, чем во всех вас, моих верных придворных!

Молодая женщина не ответила ему; на ее прекрасном лице ее выписалась такая лютая злоба, что Бьянка стала почти уродливой, страшной, черты ее исказились от смеси досады и злости. Король рассмеялся, потешаясь над ее бессилием и над тем уродливым чувством, в которое трансформировалось ее трепетное «люблю», которое она твердила ему в постели. Он отдернул руку, и так резко, что голова Бьянки мотнулась, словно он влепил ей пощечину.

- Иди, - неприязненно велел Король. – И забудь все, что ты тут видела и о чем мы с тобою говорили. Завтра я буду собираться на смотрины – и видят Духи Воронов, если ты посмеешь хоть слово пискнуть, хоть взглядом, хоть жестом выдать меня, я первой убью тебя, и ты моего падения не увидишь, и позлорадствовать не сможешь!

Глава 2. Красавица Изабель и чудовище Анна

Изабель родилась в пятницу, морозным январским утром.

Ее кожа была бела как снег, волосы – темны, как черное дерево, щеки – румяны, как кровь.

- Девочка, - сказала повитуха, любовно обмывая младенца. – Седьмая, мадам. Какая крепкая, славная! Ну, что твой грибочек!

Словом, красивее и здоровее ребенка нельзя было бы и пожелать.

Но едва народившись и закричав, как и положено всем детям всех миров, девочка вдруг смолкла, и роженица, порядком измученная, едва смогла найти в себе силы, чтобы приподняться на локтях и прошептать, задыхаясь:

- Что с моим ребенком?! Что с ним?

Повивальная бабка, испуганно смолкнув, замотала новорожденную в роскошные батистовые пеленки и передала ее на руки матери. Та, только глянув в личико ребенка, закричала от горя и боли, и без сил упала в постель.

Глаза на детском личике были нечеловечески спокойны и пусты, и лицо было неподвижным – словно кукольное. Да и само то, что девочка родилась седьмой, было знаком недобрым; и предчувствия, терзающие мать весь срок, подтвердились.

Она рыдала и проклинала мужа, который настоял на рождении седьмого ребенка, потому что судьба, уготованная ее маленькой дочери, была ужасна – а какая она может быть у человека, чей разум мертв, и души в маленькое тело при рождении не вложили?

Королю в ту зиму шел двенадцатый год; по крайней мере, так утверждали - ведь что можно было сказать наверняка о королевском наследнике, который долгое время жил в заперти, в королевском замке, обучаясь высшим магическим премудростям? Точно можно было сказать лишь то, что из всего выводка старого Короля-Ворона, произведенного на свет в течение последних трехсот лет, он был единственным наследником, который не умер при рождении и не зачах от болезни. Все говорило о том, что королевский род угасает, и страшное число – семь, семь, седьмая, - витало в воздухе. Родить в этот страшный год ребенка? Седьмого? Да еще после шести дочерей?! Леди Ворон так этого не хотела... Но суровый муж настоял.

Новорожденную малютку нарекли поистине королевским именем – Изабель. Королевская невеста Изабель. Росла она на диво ладной, красивой и здоровой – насколько только может быть здоровым несчастное безумное существо. Младенцем никогда не плакала. Ела, когда кормили, и спала, когда клали на бочок. Все остальное время тихо лежала в колыбели, глядя темными вороньими глазами в потолок – о да, Воронья порода и Воронья кровь были сильны в ней!

Немного подрастая, она не научилась говорить; она никогда не смеялась. Ребенком она никогда не плакала – даже если сильно ударится или обожжется о кочергу, когда отец отсылал ее помешать угли в камине.

Девушкой – была прилежна и тиха. Изабэль научилась вышивать и танцевать, как и полагалось каждой знатной даме, но по-прежнему не подавала никаких признаков разума. Она не испытывала привязанности ни к кому – даже к отцу, который берег ее как величайшее сокровище и явно гордился тем, что у него вышло получить у природы этот бесценный дар – Вместилище. О матери, которая отступилась от Изабэль почти с самого рождения, и говорить не приходилось. Изабэль смотрела на нее ровно так же, как смотрела на стену. Сестры втайне завидовали дивной красоте Изабэль. Казалось, природа тоже готовилась к появлению этого необычного ребенка и у каждой из девиц отщипнула немного, чтобы сполна воздать несчастной. У одной из сестер глаза были маленькими и тусклыми, у другой – некрасивый и бледный ротик, у третьей – редкие жесткие волосы. Сестры Изабэль терпеть не могли и то и дело стара-

лись подстроить ей гадость – сжечь волосы при завивке, слишком сильно раскаляя щипцы, или же вложить в ее руку, завернув в платок, кусок стекла, чтоб она, отирая глаза и рот, изрезала себе все лицо. Но судьба берегла ее словно готовя к какой-то особой миссии, и ничего дурного с ней не случалось.

На восемнадцатом году жизни она стала чудо как хороша – Воронья порода проявилась в ней во всей полноте, одарив девушку самыми яркими, самыми насыщенными красками: иссиня-черными волосами, ниспадающими до самых колен, густыми ресницами над прекрасными прозрачными глазами цветом точь-в-точь как густая заварка самого благородного чая в хрустальном бокальчике, бровями, искусно выписанными на ровном лбу. Но в прекрасных глазах словно кто-то позабыл зажечь огонек. Они были пусты и темны, как окна нежилого дома...

К неразумной седьмой дочери Ворона были приставлены два человека, чтоб присматривать и ухаживать – служанка Северина и расторопный малый Карвит, пожалуй, немного болтливый и рассеянный, но зато ученый – он почти получил диплом магической академии. Почти.

Да еще и самая старшая сестра, Анна, была добра к безумной Изабель и с поистине материнской заботой опекала ее, несмотря на то, что, наверное, у нее-то природа от красоты отщипнула самый большой кусок затем, чтоб подарить его Изабель. В то время как прочие сестры считали девочку своей ожившей куклой и могли углем нарисовать ей усы, Анна от всего своего доброго сердца сожалела, что в такую красивую оболочку не вложено души.

- Если б она была разумна, - говорила Анна с жалостью, - Король женился бы на ней сам, без принуждения и не по необходимости!

Наверное, рождение Анны и натолкнуло старого отца-Ворона на мысль о том, что седьмая дочь станет прекрасным Вместилищем. Анна родилась маленькой и чахлой, словно чужой серенький птенец, подкинутый в воронье гнездо нечаянно. Росла она худенькой и бледной, и вот еще незадача – одна нога ее была короче другой. Выросли и вышли замуж одна за другой все сестры, а Анна так и жила в опустевшем отчем доме, прислуживая Изабель да вздыхая тайком о своей несчастной судьбе.

Нужно сказать, что Изабель Анна немного завидовала. Совсем капельку. Однажды ей посчастливилось увидеть Короля – мельком, совсем недолго, - когда отец ее зачем-то взял в столицу, и в сердце ее тотчас разгорелось бурное пламя любви.

Король со своей свитой проезжал мимо на горячем скакуне и на миг одарил своих верных подданных взглядом свысока. Одного этого мимолетного взгляда было достаточно, чтоб невинная юная девушка ощутила жар его тела так явно, будто он прошел совсем рядом, силу его рук, удерживающих повод, мощь его тела, укрощающего сильного зверя, и красота Короля затмила ее разум.

- Отчего говорят, - пролепетала бедная девушка, как завороченная глядя в зеленые глаза Короля, - что глаза у него злы? Разве вы не видите – он страдает? И то, что вы за злость принимаете – это всего лишь невыплаканная боль?

- Даже не знаю, - сердито ругнулся отец, - кто из вас глупее, ты или Изабель. Отчего, как ты думаешь, в ней души нет? Оттого, чтоб она не страдала! Ибо король – это дьявол во плоти! Он полон порока и разврата, в нем столько зла, что живой человек не вынес бы его и глубоко страдал бы. А Изабель вынесет. Ей будет просто все равно, даже если ему вздумается сечь ее кнутами. Ей уготовано место великой мученицы, ибо нет женщины, что заняла бы его добровольно.

- Но говорят, - шепнула испуганная Анна, - что у Короля много возлюбленных...

- Любовниц, - с негодованием поправил ее отец. – Женщин, что удовлетворяют его похоть и исполняют все его порочные желания. Одна столько позора и греха не вынесет, нет! Поэтому их много. И ни одну из них он не любит; он просто не умеет этого, его сердце черство и не ведает привязанностей и нежности... как и у Изабель.

Глупенькое дитя, Анна, не верила отцу. Слишком много хорошего ее бурная фантазия пририсовала Королю, слишком прекрасное рассмотрела она в его светлом пронзительном взгляде. А потому по возвращении она долго-долго плакала в подушку и впервые в своей жизни, пристально рассматривая прекрасное личико Изабель, пожалела о том, что вынимала осколки стекол из ее носового платка.

Раньше, глядя на счастье сестер, выходящих замуж, Анна очень печалилась, потому что самой-то ей замужество, кажется, совсем не грозило. Некрасивая хромоножка, пусть даже из знатного рода – кому она нужна? А теперь, лелея в памяти образ Короля – прекрасного, недосыгаемого, жесткого, сильного, – Анна была даже рада этому. Ей казалось, что никого в мире она не сможет ни полюбить, ни принять так же, как его. Мужу надлежало быть верной – а верность помешала бы Анне мечтать о Короле, вспоминать его зеленые глаза. К тому же, отец уверял – о, старый хитрый Ворон, он словно умел заглядывать в мутное зеркало будущего! – что рано или поздно, а Король явится в их фамильный замок за своей невестой, Изабель, и Анна лелеяла надежду на то, что и ее Король заберет с собой – в качестве прислуги для Изабель. Не может же Королева обходиться без верной прислуги? А Анна нянчила Изабель с рождения... кто, как не она, знает обо всех особенностях королевской невесты?

И день этот настал – еще с вечера отец отослал письмо, а утром над Башней Посланий уже кружились с криками вороны, принесшие добрую весть. Быстрый Ворон, хлопая крыльями, уселся прямо на подоконник раскрытого окна, и, каркнув, выпустил прямо в ладонь старого хозяина – Среднего Ворона, – роскошное ожерелье. Он словно украл его в самой дорогой сокровищнице, потому что, едва только драгоценность оказалась у хозяина, он бочком отпрыгнул и, расправив крылья, тотчас сорвался с подоконника, улетел, скрывшись в утреннем тумане, опасаясь расплаты за воровство.

– Королевское благословение! – пробормотал старик, усмехаясь и сжимая драгоценность в сухой ладони, потемневшей от старости. – А Король-то не так легкомыслен, как я полагал... И не так упрям, как о нем говорят. Что ж, это неплохо. Неплохо...

Черные крылья снова захлопали за окном, но на сей раз ворон – необычайно крупный, черный как ночь, холеный, – влетел в комнату, опустился на пол. Острые коготки его зацокали по каменному полу... и в мгновение ока он перекинулся в человека, остроногого и чуть сгорбленного, словно его спина привыкла сгибаться, да так до конца и не разогнулась. Его тучное тело было облачено в черные и синие шелка, на груди, поблескивая в неярком утреннем свете, висела массивная золотая медаль на толстой цепи, толстые икры обтягивали чулки с красивыми стрелками, круглая голова торчала поверх белоснежного накрахмаленного до неимоверной жесткости воротника.

– Господин королевский советник Барбарох, – голос Среднего Ворона прозвучал удивленно. Старик уважительно поклонился гостю, и тот покрутил головой, то ли привыкая к человеческому образу, то ли устраивая свою круглую голову поудобнее на острых краях чрезмерно жесткого воротника. – Какая нечаянная радость... Что за дело привело вас ко мне?

Особой радости, впрочем, Средний Ворон гостю не выказывал; его темное морщинистое лицо было так же сурово и хмуро, как и прежде, и тот, кого называли Барбарохом, пожевал тонкими неприятными губами, прежде чем ответить на приветствие.

– Я прибыл, – произнес он, наконец, скрипучим старческим голосом, – чтобы поздравить вас. Кажется, в ваш дом пришла радость? Вам удалось убедить Его Величество породниться с вами? Говорят, сегодня к вечеру он прибудет сам, на смотрины. Хочет узнать, так ли хороша его невеста, как о ней говорят.

Черные внимательные глазки прямо-таки буравили старика-отца, пытаясь взглядом проникнуть в самую душу и там рассмотреть тайные планы старого Ворона, увидеть хотя бы тень тщеславия, на котором потом можно будет сыграть, но тщетно. Старик оставался все так же спокоен, суров и немногословен.

- Это честь для нас, - ответил он сухо, - но и великое бремя. Король принял наше предложение, это верно. Он поступил мудро. Так какое у вас дело ко мне?

- Я слышал, - вкрадчиво произнес Барбарох, - что у вас еще одна, старшая дочь имеется - и она не замужем.

- Это так, - подтвердил Средний Ворон.

- А раз это так, - продолжал Барбарох своим сладким, лисьим голосом, - то, может, вы окажете мне честь и отдадите мне ее в жены?

- Анну? – изумился старик-отец. – Но Анна увечна с рождения. Кто знает, способна ли она родить детей. К тому же она хрома; а я не хотел бы, чтобы она страдала от упреков и суровости мужа.

- Я не посмел бы упрекать в чем бы то ни было родню Короля, - уважительно, почти церемонно поклонившись, ответил Барбарох. Старик отец расхохотался, на его суровом лице промелькнуло неприятное, колкое выражение.

- Ах, вот отчего такое внимание к нашей бедной Анне, - протянул он, неприязненно рассматривая проныру-советника. – Но должен вас огорчить – влияния на Короля я...

- Знаю, - мягко перебил Барбарох старого рыцаря. – Знаю! Обо всем знаю! И то, что королевская невеста безумна – знаю, и то, что она не сможет замолвить словечко за свою родню перед Королем – если б ему вдруг вздумалось ее послушать, - тоже знаю. Мое замечание о королевской родне ничто иное, как дань уважению – ничего больше. Видите? Я совершенно бескорыстен; я действительно всего лишь хочу жениться на вашей дочери. В наш век чистота и добродетель настолько редки, что расцениваются мною дороже самых редких бриллиантов. Уверен – Анна будет прекрасной женой, за которую мне ни разу не придется покраснеть. Ну, так что?

Признаться, Средний Ворон был обескуражен таким напором; его разум спешно искал подвох – и не находил его.

- Ну что же, - произнес отец, - я этому препятствовать не стану. Но судьба Анны в ее собственных руках; захочет ли она ответить вам положительно? Я неволить ее не стану.

- Так это можно у нее у самой узнать, - оживился советник. – Позволите?

- Разумеется, - ответил старый Ворон.

Нужно заметить, что Барбарох был очень хитрым и расчетливым типом; и об Ане с Изабель он знал все – и едва ли не больше самого отца.

И то, что Анна опекала королевскую невесту - а та имела все же некоторое подобие привязанности к сестре, несмотря на отсутствие души, - и про то, что без Анны королевская невеста становилась беспокойна и шумна. И про то, что Анна тайно вздыхает по Королю и надеется, что ее вместе с Изабель заберут во дворец – тоже знал. Его шпионы не раз и не два подсматривали в замерзшие окна ее комнаты, где она коротала свои дни и молилась Духам Воронов, чтобы они подарили ей хотя бы тень счастья, о котором она мечтает. Поэтому действия его были не так бескорыстны, как он это утверждал.

Анна рисовалась ему важной знатной дамой при дворе. Она бы хранила королевский секрет - о том, что Король велел помалкивать о безумии будущей супруги, Барбарох тоже был осведомлен, - ухаживала за Королевой и шантажировала Короля. На какие рычаги давить и что говорить – Барбарох научил бы свою молодую супругу, в этом он не сомневался.

Невзрачная и убогая, она не знала ухаживаний и знаков внимания не получала. А потому Барбарох всерьез думал, что она согласится на брак сразу же, как только он предложит.

Но, к его величайшему удивлению, Анна отказала еще быстрее, чем он успел договорить, и указала на дверь своей комнаты, куда его соизволил проводить отец.

Барбарох был обескуражен; он оглянулся на указанные двери – за ними все еще не стихли шаги старого Ворона, - и снова изумленно глянул на Анну.

- То есть, - потрясенный, переспросил он, - вы мне отказываете?!

- Не сердитесь, - тихо произнесла девушка, чуть коснувшись его руки. – Но это действительно невозможно. Посмотрите на себя – и на меня...

Барбарох тотчас изобразил на лице выражение ласковое и осторожное, словно очень боялся ранить чувства девушки. Он даже приблизился к ней бочком, едва ли не прыгая, как ворон по подоконнику, и свернул голову набок, косясь на девушку хитрым круглым глазом.

- Но ваша хромота, - спешно затараторил Барбарох, почтительно кланяясь и придавая себе вид пылкий и даже отчаянный, - меня ничуть не смущает! Нет! Поверьте – при дворе много дам, и все они и мизинца вашего не стоят! Они красивы, разумеется, но лишь потому, что напудрены и разукрашены, а если...

- Да нет же, - смущенно перебила его Анна, улыбаясь. – Я вовсе не о том.

- Не о хромоте? А о чем же? – насторожился Барбарох, прервав свою льстивую песню на полуслове. Вся его елейная ласковость слезла с него, словно кожа с ошпаренной кипятком курицы, и он посмотрел на Анну с таким негодованием, словно она морочила ему голову и обманывала его.

- Но ведь вы... - бормотала Анна, пряча глаза и ужасно смущаясь. – Вы же... вы... старый!

Это слово возымело поистине волшебное действие. Барбарох отпрыгнул, словно его змея ужалила, и уставился на смутившуюся девушку круглыми, как пуговицы от штанов, глазами.

- Я живу с моим увечьем с самого рождения, - продолжала Анна, сделав несколько шагов, чтобы новоиспеченный жених мог оценить в полной мере ее ущербность. – И я к нему привыкла. Меня оно не тяготит; и мечтать это мне не мешает. И, как остальные молодые девушки, я мечтаю о семье, разумеется, и о детях. И о муже – но о молодом и полном сил. Я вовсе не хочу отдавать свою руку тому, кто предложит лишь потому, что он предложил. Нет; вероятно, тот, кто мне мил, никогда на меня не посмотрит, но это... это не повод отказываться от мечты и от возможности хоть иногда думать о нем и воображать...

«Проклятая воронья дочь! – выругался про себя Барбарох. – Дьявольская гордость! Даже самый дохлый хилак из Великих Воронов знает себе цену – и убогие девицы не исключение, ну, надо же! Да эта уродина руки мне должна целовать за предложение, в ногах валяться!»

Однако, Анна так не думала. Чувство собственного достоинства проросло в ней крепко, и Барбарох увидел больше внутреннего величия, покоя и уверенности, чем видывал при дворе, у дам. Это взбесило его еще больше – надо же, какая принцесса! Возиться, уговаривать, убеждать – и кого?! Уродищу эту!?

- Воображать! – грубо перебил ее Барбарох. – Знаю я, кого вы себе там воображаете – и он точно не посмотрит на вас!

- Знаете? – в замешательстве прошептала Анна. – Вы не можете знать!

Но Барбароха, кажется, действительно здорово задела слова убогой хромоножки, ранили в самое сердце, задев за что-то болезненное и уязвимое. Грудь его вздымалась, словно от гнева ему не хватало воздуха, и он ухватил свою предполагаемую невесту за руку безо всякого почтения. Его толстые волосатые пальцы ловко, словно паук, вскарабкались по ее рукаву и вцепились вскрикнувшей от боли девушке в шею и в волосы, Барбарох встряхнул Анну и согнул ее так, как полагалось бы согнуть нерадивую служанку перед тем, как всыпать ей хороших розог за нерасторопность.

- Молодого захотелось, да? – шипел Барбарох, отвратительно трясясь, как жидкий холодец. Его пальцы причиняли Анне боль, та закричала, когда разъяренный Барбарох от ярости принялся трясти ее, как куклу. – Красивого? Самого-самого в королевстве?! Ну, хромоногая дура, признайся – ты же на Короля засматриваешься? Глупая пестрая курица... лишенная разума девчонка! Его отведать хочешь? Думаешь, он польстится на твой титул и хромоту? Ну, так ты думаешь?

- Я ничего подобного не думаю, - простонала Анна, стараясь освободиться от рук Барбароха. – Король предназначен Изабелы в мужья, и этого не изменить!

- О да, - с хохотом прокричал Барбарох. – Уже сегодня вечером она будет иметь счастье познакомиться с ним лично! Хочешь занять ее место в этот волнительный момент? Так я помогу тебе! – Барбарох притянул сопротивляющуюся девушку к себе и зашептал ей прямо на ухо – страшно, горячо, почти одержимо. – Твой любимый зеленоглазый красавец извозит тебя в такой грязи и так угостит своей любовью и лаской, что спеси у тебя поубавится. После его любящих супружеских объятий ты будешь рада даже нищему и его лачуге – но не Королю!

Анна не успела ответить, да ее слова ничего б не изменили – Барбарох щелкнул пальцами, и тот щелчок показался перепуганной девушке громовым. От этого жуткого звука, казалось, затряслись, заволновались, как море, каменные стены, и Анна ощутила, как падает в черную пропасть, которая жадно затягивает ее, желая сожрать и утопить в темноте...

Глава 3. Королевские смотрины

...Она пришла в себя в воде. В холодной и мутной воде, похожей на ту, что по весне наполняет ров вокруг крепостной стены. Было темно – зрение почему-то возвращалось медленно, нехотя, все предметы кругом казались ей расплывчатыми пятнами, - и ее мозг пронзила страшная мысль, что ее кинули в королевскую тюрьму, в подземелье, за отказ советнику Барбароху. С криком вынырнула она, отплевываясь, откашливаясь, исторгая из себя рвущую легкую воду, цепляясь за скользкие борта ванной, напуганная до судорог. Ее тотчас подхватили подмышки чьи-то руки – поспешно и заботливо, как ей показалось, - и чей-то ликующий голос несколько раз выкрикнул:

- Слава Воронам! Она ожила! Ожила!

Последнее, что Анна помнила – это ее драку с Барбарохом. Его злобные тычки, его жесткие пальцы, наставляющие ей синяков. Что этот подлец с ней сделал?! Околдовал, отчего она впала в сон, подобный смерти?!

На шее ее лежало что-то холодное и тяжелое, словно ошейник. Все еще ничего толком не видя, она ухватилась за шею, пальцы ее нащупали подвески и драгоценные камни. Странная вещь; зачем на нее надели драгоценности, если думали, что она мертва?!

- Я думала, - продолжал причитать очень знакомый голос, - что пропали наши головушки! Молодец, студиозус! Не зря тебя учили, все-таки. Выучился бы – глядишь, магистром стал бы. Смотри – вернул к жизни нашу голубку! А ведь жизни наши на волоске висели! Шутка ли – королевская невеста с собой решила покончить, а мы не доглядели! Ну, давай, давай, милая! Поднимайся! Пойдем, милая, оботремся, переоденемся... а то, не приведи, луна, захворает еще, вода-то больно уж холодна...

- Что произошло?! – хрипло выдавила из себя Анна, подчиняясь заботливым рукам, которые помогали ей выбраться из воды. – Что случилось?

Зрение окончательно вернулось к ней, и она с изумлением рассмотрела на себе длинную черную шелковую рубашку с тончайшими кружевами – такие обычно надевали на Изабель. С изумлением Анна провела по животу, разглаживая мокрый драгоценный шелк – и тотчас же поняла, что руки, оглаживающие ее тело, не ее вовсе! Крохотная белоснежная ножка, выглядывающая из-под подола, с порозовевшими от холода пальчиками, с блестящими ровными ноготками – это ножка Изабель, совершенная и изящная! И стоять – стоять ровно было так удобно, потому что не было выламывающей тянущей боли в бедре... Тело, в котором Анна себя ощущала, трясущееся от холода, принадлежало вовсе не ей, а Изабель! Это ее богатые волосы лежали на плечах, которые Анна лихорадочно обшаривала, это ее роскошная грудь вздымалась и виднелась в вырезе сорочки, это ее, ее тело! Изабель!

От ее слов в комнате воцарилось гробовое молчание. Анна, отведя от лица мокрые волосы, затравленно глянула на отпрянувших людей. То, разумеется, были Северина и Карвит, слуги Седьмой Дочери, Изабель.

- Не та, - замогильным голосом произнесла Северина, со страхом рассматривая девушку. – Разумная она. Ах ты, балбес, ты зачем заманил в это тело чужую душу?! «Я все исправлю, я смогу!» - передразнила она чьи-то слова, кривляясь. - Пропали наши головушки теперь!

Она осела, упала на колени перед Анной – или Изабель? – и громко завывала, разинув рот.

Карвит, вихрастый тощий мальчишка, ошарашенно молчал, рассматривая свои руки с таким изумлением, словно только что ими сотворил мир и небеса. А Анна – или Изабель? – замерла на месте, оглушенная свалившейся на нее новостью. Сопоставляя все случившееся, она поняла, что каким-то невероятным чудом она действительно попала в тело Изабель, и попала она сюда потому, что...

- Изабель умерла?! – выкрикнула она, порываясь бежать – но куда? К кому? Мертвого тела не было, не было того, с кем нужно было бы попрощаться. В груди девушки заныло, слезы не навернулись на глаза, и ело Изабель впервые заплакало – горько, неудержимо.

- Нет больше голубки нашей невинной, тихой госпожи! Надела королевский подарок, - самозабвенно выла Северина, - и ни с того, ни с сего пошла и легла в ванну.

Анна, досматривающая за сестрой, знала – Северина любила прикладываться к бутылочке, которую мастерски прятала в складках своего платья; а Карвит все еще лелеял надежду вернуться в академию, из которой его выгнали, и потому иногда засиживался с книжками в темном уголке. По большому счету, за Изабель особо смотреть не надо было – она была достаточно понятливой для того, чтоб не свалиться с лестницы или натворить еще какую неприятность с собой. Никогда она не порывалась и покончить с собой – не было страдающей души, зачем же кончать эту странную жизнь? И вдруг такое...

- Верно, она головой ударилась о ванну, - всхлипывала Северина, утирая катящиеся из перепуганных глаз слезы. – Поскользнулась, упала... Когда мы нашли ее, она уже не дышала. Лежала на дне мертвая...

- Но как же... - пролепетала Анна, и Северина, смолкнув как по мановению волшебной палочки, тотчас оказалась рядом.

От ее слез, от испуга и растерянности не оставалось и следа. Мокрые пальцы ловко зажали рот девушке, Северина стиснула Анну – Изабель? – в своих объятьях и горячо зашептала:

- А вот говорить не надо, дорогая, не надо! Изабель не говорила. Не умела она говорить, значит.

От внимательного и страшного взгляда Северины мороз пробежал по коже несчастной Анны и она забилась в сильных руках служанки.

- Кого духи нам послали, и убывающая луна, - ворковала Северина, - та и ладна! Ожило же тело Изабель? Ожило. Значит, Король получит свою невесту. Не бойся, милая!

- Король сразу заметит подвох, - мрачно отозвался Карвит. – Он же не дурак. Он сможет отличить разумную девицу от неразумной.

До сознания Анны начало доходить, что задумали эти двое, и она забилась в руках служанки еще сильнее, протестуя выкрикивая что-то. Но жесткая ладонь зажимала ее рот, не позволяла ни слова произнести. Выйти замуж за Короля вместо Изабель?! Нет, нет! В памяти сразу воскресли сотни ужасных сказок и историй, которыми потчевал ее отец, и реальность, надавав оплеух розовым девичьим мечтам, навалилась невероятной, удушающей тяжестью, подавляя и пугая. Король, который рисовался ей невероятно далеким и прекрасным образом, вдруг стал невероятно близок. Анна даже почувствовала касание его пальцев, которые надевали на ее руку обручальное кольцо – а затем стискивали ее ладонь до боли. И взгляд, его зеленый взгляд... Тогда, мимолетно увидев его, Анна заметила лишь то, что он невероятно красив. Теперь же она могла поклясться, что рассмотрела в его глазах и порок, и жестокость.

Она ведь совсем не знала короля, ничего, кроме его титула и имени - Влад, - и он не знал ее и не любил ни единой минуты. Вряд ли он женится с таким уж большим желанием; это необходимость – не более. Изабель для него всего лишь интересный и важный магический артефакт, не более. А значит, с замиранием сердца подумала Анна, и любовниц у него не убавится. Думая, что супруга безумна, он, вероятно, и таиться не станет. Может, даже притащит кого в супружеское ложе, велев ей, законной жене, немного подождать за дверью, пока он натешится...

- Я не хочу! – пискнула Анна, и служанка сжала ее крепче.

- Молчи, глупая! – зашипела Северина. – Молчи! Ты себе и представить не можешь, что сделают с нами со всеми Король и господин Ворон, коли обман вскроется! Господин Ворон нас убьет и трупы скормит крысам, а Король не пощадит Ворона, нет! Он-то рассчитывает на

эту невесту; и если не получит желаемого... что сделает с тобой?! А с хозяином? Затравит собаками! Не иначе. Думаю, мы с Карвитом, лежа в подвале с крысами, порадуемся, что так дешево отделались!

При упоминании об отце, о матери Анна замерла и затихла, ужас отразился в ее глазах, и Северина осторожно выпустила трепещущую девушку из рук.

- Вот так, вот так, - приговаривала она. На ее круглом рыхлом лице появилось выражение удовлетворения, она кивнула головой. – Умница. И ничего страшного в Короле нет; подумаешь, замуж! Меня выдали в четырнадцать, и я не хотела, да и мужа толком не знала. А тут – Король! Ах, как повезло тебе! Красавец! Богат и щедр! Уж мы с Карвитом тебя научим, как себя вести, наврем ему с три короба, и он подмены не заметит. Зато все целые останемся, а ты вообще королевой станешь!

Барбарох понял, что очень, о-о-очень погорячился, когда бездыханное тело Анны упало ему на руки и дыхание девушки стихло. Оглушенный внезапно наступившим молчанием, Барбарох некоторое время тупо смотрел в побледневшее личико Анны, сжимая ее в руках. Затем до него дошло, что он наделал, и ноги его подкосились.

Слово «старый» пребольно резануло его самолюбие. Барбарох действительно был далеко не молод, но отчего-то тщательно скрывал этот факт от самого себя, полагая, что он еще ого-го. Старость не украсила его, не пришло достоинство в хитрый, бегающий взгляд, виски не украсила благородная седина. Щеки его от чрезмерных возлияний и обильной вкусной еды сделались обрюзгшими, живот, из-под которого торчали тонкие ножки обтянутые щегольскими чулками – необъятным. При дворе этих его недостатков было как-то незаметно. Высокое положение позволяло ему регулярно получать восторги и комплименты от дам, и все как-то тускло и казалось не таким смехотворным – и дрожащие колени, и одышка при ходьбе, и ноющая поясница, уже не выдерживающая немаленький вес.

А тут – прямо в лоб, без витиеватостей и ухищрений. Старый...

От деревенской ущербной девчонки он ожидал других слов, и другого приема. Потому ее отказ – вежливый и такой правдивый, - разозлил его неимоверно, и он, ухватив Анну, выкрикнул в ее лицо Заклятье Сотни Казней, даже не успев подумать о том, а как же он вернет ее обратно. Этим заклятьем обычно пользовались королевские палачи, перетаскивая душу преступника из одного тела – истерзанного пытками, умирающего, - в другое – например, в удушенного, - чтобы начать все мучения жертвы заново, и так до бесконечности. Не спрашивайте, откуда королевский советник знал эту магию. Барбарох не распространялся о своих умениях, да и о прошлом своем помалкивал, а вороны, как всем известно, живут триста лет.

На тот момент ему действительно хотелось, чтобы Король приласкал Анну со свойственной ему жестокостью. Не то, чтобы он был сторонником истязаний – нет. Но Анна показалась Барбароху такой жалкой с ее простотой, чистотой и изъязом – чудовищной хромотой, - что тот с удовольствием, до дрожи радуясь, представлял себе, как Король, избалованный безотказностью самых красивых женщин королевства, брезгливо отстранит от себя эту девицу, едва только глянув на нее. Вероятно, со свойственной ему бестактностью, он кинет какое-нибудь замечание – тонкое и изысканное в своей беспощадной жестокости, - и оно разобьет девице сердце и унижит настолько, что она и головы поднять не посмеет всю жизнь!

Все это мерещилось разгневанному Барбароху. Но едва только последнее слово слетело с его губ, и Анна обмякла в его руках, как до его воспаленного сознания дошло: а ведь перед королем встанет не хромоножка Анна, а красавица Изабель во всем ее величии. Та, в чье тело Барбарох так опрометчиво закинул чистую душу Анны...

А королевская невеста, говорят, очень хороша собой. Так хороша, что Король будет ослеплен ее красотой. И вовсе не оттолкнет девушку, а, скорее наоборот...

- Что делать, что делать! – ныл Барбарох, устраивая тело Анны на постели. Издалека казалось, что она спит, просто прилегла вздремнуть. Но Барбарох знал – если душу не вернуть на место, тело истает, рассыплется в звенящую магическую пыль, и это будет уже необратимо.

Хуже всего было то, что отправить душу куда угодно было можно; а вот чтоб ее вернуть, нужно было коснуться ее нового пристанища. Но кто б позволил советнику касаться королевской невесты?! Да и где ее держат – внезапно сообразил Барбарох, - это тоже неизвестно.

Еще хуже было то, что Король вот-вот должен был явиться на смотрины лично. И если он скажет твердое «да», девица будет недоступна для всего света. Притронуться к ней будет так же сложно, как погладит рукой пылающее солнце. Это понимал Барбарох, заливаясь злыми слезами и проклиная свою поспешность. Но дело было сделано.

Теперь у него оставалась одна лишь надежда – до Короля отыскать в замке красавицу Изабель и всего лишь коснуться ее.

Анна от ужаса даже говорить не могла. Ее колотило так, что зубы выбивали звонкую дробь, пока Северина ловко, умело извлекла девушку из одной мокрой сорочки и передела девушку в другую, сухую – такую же черную, полупрозрачную, ушитую кружевами. Непривычно длинные волосы Анны – Изабелы? – она высушила у огня, расчесывая их щеткой, пока они не сделались гладкими и блестящими.

- Вот и славно, вот и ладно, - щебетала Северина, поправляя алые драгоценные камни в колье на шее девушки, чтоб они лежали как надо и сверкали еще ярче. - Не бойся, милая. Только не бойся. Ну, что такого – замуж? Подумаешь, беда! Зато все будут довольны и живы, - Северина повторяла это так часто, что Анна распробовала на вкус нависшую над ней угрозу, словно раскусив слово «казнь» и задохнувшись от его нестерпимого горького, жгучего вкуса. – Ты только не говори с ним. Ну, сразу не говори. Делай вид, что немая – и все. Делов-то! А потом, - учила Северина, натягивая на крохотные ступни королевской невесты теплые меховые тапки, - когда он привыкнет к тебе, однажды, можешь и заговорить. Любовь творит чудеса!

- Любовь, - просипела Анна, от страха трясаясь всем телом.

Она знала, ради чего сидит тут, в теле безмолвной Изабель, ради какой любви, и не кричит на весь свет о невероятной подмене. Отец; мать. Сестры. Страшно представить, что сделает с ними Король, да и с нею тоже, если обман вскроется.

- Только не болтай, девочка, только не болтай! – как заклятье, повторяла Северина, а Анна чувствовала, будто от страха у нее кожа отстает от плоти.

Легко сказать – не болтай! А если Королю вздумается ударить ее? Изабель просто упала бы на пол и поднялась только тогда, когда ей велели бы. Но пощечину снести можно – а если он вздумает в ярости посечь ее кнутом?! Сносить это с безразличным выражением на лице?! Но как?!

- Воистину, Изабель должна была стать мученицей, - пыхтела Анна, протягивала руки к огню и никак не могла согреться. Озноб так и бил ее. – И ее место занять – это не счастье, нет!

- Я помогу, помогу! – шептала Северина, обнимая дрожащие плечи девушки, усаживая ее поближе к пылающему огню и прикрывая ноги пледом, чтоб та могла согреться. Но Анне были неприятны ее прикосновения и жаркий шепот. По большому счету, Северина выгораживала собственную шкуру, ведь это наверняка был ее недосмотр. – Только меня слушайся, девочка!

- Пошла прочь! – рявкнула Анна, оттолкнув Северину. – Это ты меня слушайся, мерзавка! Не забывай, с кем разговариваешь! Это твоя вина, что все так вышло! Так что если Король вздумает угостит меня тумакон, ты отведаешь точно того же самого!

Северина испуганно смолкла; голос, интонации Изабелы показались ей смутно знакомыми, и крысиным бессовестным чутьем, что помогало ей выжить, она поняла, что не простую девушку закинуло в тело ее безмолвной госпожи. Она хотела что-то еще спросить, про-

сто так, чтобы получше расслышать голос госпожи, но тут за дверями послышались громкие голоса, застучали сапоги, подбитые железными набойками, и в комнату вместе с грубым светом зажженных факелов, грозный и громкий, как бог войны, вошел Король.

Анна хотела вскрикнуть – так ярко, так величественен и прекрасен показался ей Король, – но горло ее словно мягкая рука сжала. Тело ее онемело, и она смогла лишь потупить взор, чувствуя, как кровь приливает к ее щекам и заставляет их пылать, а сознание уплывает прочь оттого, что все пространство, весь мир теперь наполнен им – его запахом, его голосом, его аурой, которая была так сильна, что Северина без слов растянулась у него в ногах, сломленная ощущением его силы, витающим в воздухе.

Анна не смела глаз поднять. Она сидела неподвижно, словно дух ее покинул и это тело, вцепившись руками в подлокотники кресла, и слышала только одно – как бьется ее собственное сердце.

От Короля пахло дождем; он шевельнул плечами, скидывая к своим ногам плащ, на котором алмазными блестками сверкнули капли воды, Анна отчетливо расслышала шорох его бархатной – черной с синим, как вороновы крылья, – одежды, и то, как потирает озябшие ладони, прежде чем прикоснуться к ней.

- Это и есть, – после недолгой паузы произнес Король, – Изабель, королевская невеста?

Его голос – необычайно звучный, сильный, обволакивающий бархатным обаянием, – прозвучал отчасти изумленно, и Анна вздрогнула, зардевшись от непонятного ей самого сладкого удовольствия. То, что она ему понравилась, стало понятно сразу – по сбившемуся дыханию Короля, по тому, как замерли его руки, отогревающие друг друга, по тому, как остановился его шаг.

- Да, Ваше Величество, – пролепетала Северина, когда Король прошел мимо нее и приблизился к замершей в кресле Анне вплотную. – Это она и есть, Ваше Величество!

- И что же? – Король в замешательстве наклонился, пытаясь заглянуть в глаза девушки, – она... всегда такая молчаливая?

- О да, Ваше Величество. Она молчит, с рождения молчит.

- Ничего не чувствует? Это правда? – поинтересовался Король с таким лютым любопытством в голосе, что Анна задохнулась от ужаса, увидев в его руках плеть, которой Король, вероятно, погонял свою лошадь.

- О нет, что вы! – затараторила Северина, почуяв неладное. – Чувствует! Когда она руку обожгла о кочергу, она, почитай, неделю ею ничего не брала, пока не зажило. И холод она чувствует. И жару. Она все чувствует, и все понимает! Она исполняла все, что велел ей господин Ворон. Она послушная и кроткая, как овечка.

- Послушная жена – это хорошо, – протянул Король. Плеть. Которой так боялась Анна, коснулся ее бедра, рисуя на нем какие-то тайные символы, и той еле удалось удержать на лице выражение покоя и равнодушия.

- Вы не пожалете, Ваше Величество! – рассыпалась в похвалах Северина. – Вы не пожалеете!

-Замолчи, – кратко бросил Король. – Будешь говорить, когда я велю.

Он протянул руку и коснулся лица Анны, легкими прикосновением обвел овал прелестного лица. Она ожидала холода, но пальцы его оказались очень горячи, почти обжигающие. Это невинное, осторожное прикосновение словно громом поразило Анну, и она почувствовала, что сходит с ума оттого, что ее воплотившаяся мечта стоит напротив нее. Грозный Король точно знал, что такое ласка и нежность; касаясь ее самыми кончиками пальцев, он словно хотел почувствовать, отыскать что-то невидимое, невесомое, теплое и живое, почувствовать чудо, которое ему все обещали и которое спасет его от многочисленных бед. И эта интимная, сокровенная ласка теплом проливалась в душу Анны.

«Он для всех делает вид, что страшен и опасен, - подумала девушка, млея под его ласкающей рукой. – На самом же деле он другой!»

- Даже жаль, - произнес Король задумчиво, рассматривая прекрасное тело Изабель, - что твоя душа заблудилась где-то...

В его голосе послышалась искренняя грусть.

Его движения, его прикосновения к ней были осторожны и нежны, словно он поглаживал не живого человека – прекрасную мраморную статую в летнем храме, насквозь пронизанном солнечными лучами. Пальцы его скользили по ее щеке, по шее, словно ласкаясь, пока не наткнулись на золотое кольцо - то самое, что отправил в подарок своей странной невесте.

Его он коснулся осторожно, словно боясь уколоться или обжечься, но золото было холодно и мертво. Пальцы его замерли чуть поглаживая алые, как кровь камни, и Анна уже было насмелилась поднять на Короля взгляд. Ее первый испуг прошел, Король был не так страшен, как о нем говорил отец, и вел себя так, что Анна не ощущала никакой опасности. Так отчего нет? Отчего не поднять на него взгляд, отчего не осмелиться посмотреть на его ослепительную красоту?

Но рука Короля, лежащая на ее шее, вдруг странно задрожала, словно от страха или сильного озноба, и он, склонившись к Анне, произнес так тихо, что расслышала только она одна:

- Почему ты не умерла? Ты ведь должна была умереть; от моих заклятий противоядий нет. Так отчего ты жива до сих пор, юрдивая?

Словно кипяток прокатился по нервам Анны, обжигая ее душу невероятной болью, такой, с которой не сравнится ничто, никакая страшная пытка. Ее любовь, ее тайная мечта, ее прекрасный Король, Влад, чье имя она тайком произносила с неизъяснимой нежностью, глядя в прекрасное лицо кроткой, невинной Изабель своими светлыми ясными глазами, говорил эти ужасные вещи, признавался в том, что безжалостно лишил жизни ее сестру, заставил ее лечь в холодную, как зимняя могила, воду, и покорно вдохнуть полной грудью ледяной смерти!

«Убийца! Убийца! – кричало все существо Анны. – Мерзавец! Ненавистный мерзавец!»

- В этом мире, - продолжил Король, щуря свои ледяные зеленые глаза, - у меня так мало теплого, живого, и теперь, благодаря тебе, я должен назвать женой мертвую женщину, которая не может даже улыбнуться в ответ на мое прикосновение. Ты думаешь, мне это нравится? Твой отец шантажом заставил меня сделать это, - в голосе Короля закипела нескрываемая лютая ярость. – Он думает, что я зло. Он думает, что я, подобно тебе, мертв и ничего не чувствую. Он посмел самонадеянно решить все за меня, думая, что имеет на это право. Да только это не так. Он причинил мне боль – тебе знакома горечь стыда и бессилия? Думаю, нет. Тут ты счастливее меня. Но я не спущу ему с рук эту дерзость; он отопьет из чаши страданий сполна – и вся твоя семья тоже. Чтобы больше никто не смел даже думать, что меня можно силой вынудить сделать то, что я не хочу.

Теперь у нее не оставалось ни единого заблуждения по поводу того, каков Король на самом деле. От его слов веяло такой лютой злобой, что Анне показалось, что это не человек говорит, а шипит ядовитый гад, желая весь мир потопить в своем яде. Она не заметила даже того, как оказалась на ногах – Король, все так же неторопливо, ласково извлек ее из кресла и поставил на ноги, внимательно рассматривая, желая угадать, узнать ее секрет.

Его ладони легли на ее плечи и Анне, содрогающейся от ужаса и отвращения, показалось, что он хочет поцеловать ее, коснуться ее губ своими – так низко он склонился над нею, так пристально заглянул в лицо. Но вместо этого его ладони вдруг стиснули черный шелк, и он одним мощным рывком разорвал напополам ее рубашку и кинул обрывки к ее ногам, оставив ее совершенно обнаженной в свете пылающего в камине пламени. От стыда Анне показалось, что жидкое пламя разливается по ее коже, вылизывает ее белоснежный бархат колющей болью

– особенно там, где касаются пальцы Короля, в самом низу подрагивающего живота, подрагивающего от ударов пульса.

Северина ахнула, машинально прикрыв рот ладонью – а второй заслонив глаза сунувшемуся поближе Карвиту.

- Пошли прочь, - рывкнул Король, чуть обернувшись к ним. – Мне нужно побыть наедине с моей невестой.

Анна думала, что она сторит со стыда, что кожа у нее потрескается и обуглится под взглядом Короля. Она уговаривала себя, что это не ее тело он видит – совершенное, точеное, идеальное, прекрасное в свете пламени как фарфоровая статуэтка, насквозь пронизанная золотым светом огня. Это все Изабель, бедняжка Изабель, убеждала себя Анна, в панике слушая, как закрываются двери за спешно убравшимися слугами.

Это ее, Изабелы, нежная прекрасная грудь, это ее живот, это ее бедра. Это тело ее бедняжки-сестры. Оно надето, как платье, на бедную Анну. Под ним не видно ее, настоящей; не заметны ее короткая искривленная нога и мучения по этому поводу, не видны ее любовь к Королю – и ее стыдливое раскаяние в своих чувствах к этому жестокому чудовищу. Ничего не видно, убеждала себя Анна, вся трепеща. Но помогало это мало.

Опуская взгляд, она видела прекрасное обнаженное тело – и оно дрожало от громких ударов ее собственного сердца. Время тянулось мучительно долго, Король раздевался неспешно. С каждой расстегнутой на бархатном черном камзоле пуговицей, с каждой вещью, брошенной на пол, Анна вздрагивала и едва не скулила от страха. Горячая кровь бросалась ей в лицо, и девушка обмирала, словно на ступенях эшафота. Но она вынуждена была покорно и молчаливо стоять, ожидая своей участи.

Король неспешно стаскивал с себя одежду, пропахшую осенним дождем и палой листвой, а Анна едва сдерживалась от того, чтобы закричать от страха и лишь крепче закрыла глаза, притворяясь равнодушной Изабелью. То, что Король раздевался – и девушка с ужасом поняла, для какой именно цели, - говорило только о том, что Изабель ему отдали. Подарили. Вручили, как вещь. Король дал свое твердое слово, что возьмет ее, что женится – иначе его не пустили бы сюда, в тайную комнату, где Старый Ворон растил свое сокровище. А значит, он уже завладел всеми правами на нее точно так же, как сейчас овладеет ее телом...

И новоиспеченный жених может с нею делать все, что ему вздумается – строгий отец не спросит за пару синяков, появившихся на белоснежной коже королевской невесты, если они вдруг появятся. Анна крепче сжала зубы, чтобы не разреветься в голос, понимая всю невыгодность своего положения. Ценой своей невинности она должна охранять жизнь отца – ведь одно слово, один вскрик это подписанный ему смертный приговор.

Король, скинув с плеч белоснежную сорочку – странная чистота, прячущаяся под чернильной темнотой его богатой одежды, - чуть поморщившись, прикрыл зеленые глаза, с трудом перевел дух, словно бежал, долго бежал, и сейчас ему нечем дышать.

- Это хорошо, что ты покорна, - его голос хрипнул, когда его тонкие пальцы распускали ряд крохотных пуговок от ворота, украшенного тонкими белыми кружевами, груди. – Я люблю покорных...

«Боже, - в ужасе думала Анна, не смея даже прикрыть свою наготу, хотя руки ее подрагивали от желания подняться и обхватить грудь, спрятать ее от взглядов Короля. – Найдутся ли у меня силы вынести?!»

Невинное дитя, она страшилась супружеских отношений. Для нее любовь и все ее проявления заключались в ласковых взглядах, в прикосновениях и, может быть, еще в поцелуях, которых она еще не знала, но тайно желала. Обнаженный же мужчина пугал ее – даже ее невольное восхищение его мужественностью, его сложением, игрой мышц под кожей не помогало ей забыть о мучительном стыде перед тем, что, несомненно, сейчас произойдет.

Король вернулся к ней.

По груди ее метались отблески огня – будто летние солнечные пятна по нагретому мрамору. Словно пытаясь поймать одно из этих пятен, пальцы Короля легли на тонкую ключицу, провели по бархатистой коже, чуть касаясь ее самыми кончиками. Король неспешно обошел девушку кругом, все так же глядя ее лишь кончиками пальцев – невесомо, осторожно, – а Анне казалось, что реки огня проливаются по ее плечам, по обнаженной спине, по которой неспешно скользила рука Короля.

- Ты моя, – произнес Король. В его голосе не было ни напора, ни ярости; он был уставшим и глухим. – Моя живая игрушка; моя... жена. Твой отец просто отдал тебя мне и разрешил делать все, что придет в мою голову. Играть и терзать тебя – но не королевство. Он был очень красноречив, много говорил, убаюкивая мою ярость. О-о-о, как он старался отвести от себя мой гнев! Я видел страх в его глазах, я слышал, как его сердце почти остановилось, когда он смотрел мне в глаза и понимал, что я ненавижу его за то, что он сделал. Знаешь, а он очень труслив на самом деле; я нарочно долго сидел с ним; я упивался его ужасом, его отчаянием и страданиями. Он заслужил их. Чтобы сохранить свою жизнь, он пообещал мне так много заманчивого, так много хорошего, что я почти забыл о том, что ты – безумна. Он говорил, что только в тебе, в неживой, я найду бескорыстие и правдивость, каких уже не осталось ни в одном сердце в нашем королевстве. Все прочие – сосуды зла. А ты вынесешь все кротко и покорно. Я смеялся ему в лицо; я спросил, вынесешь ли ты мой гнев, который по праву должен был достаться ему и пасть на его голову – и он ответил, что да, – голос Короля стал насмешливым, он издевался, припоминая то, как заискивался перед ним старый рыцарь. – Сказал, что ты идеальноеместилище для всех моих тайн. Я могу говорить тебе все. Все мерзости, все мои преступления и все зло, что я творю. Никому ничего и никогда ты не расскажешь, все вынесешь и не отвернешься. И примешь меня без слов снова и снова, после всего, что я сотворю – даже с тобой. Даже если весь мир отвернется от меня, ты останешься рядом. Не уйдешь и не предашь. Сказочная преданность, в которую я не верю, и на которую не способна ни одна женщина в мире. Видят боги, я хотел избавиться от тебя; избавить нас обоих от непосильной ноши. Смерть твоя должна была быть легка и быстра, даже милосердна, куда милосерднее твоей жизни. Но судьба отчего-то распорядилась иначе. Интересно, почему?

В свете пламени от причудливо танцующих теней его красивое лицо многократно менялось, то превращаясь в порочную маску, на которой стыло сверкали льдистые глаза, то становясь неимоверно прекрасным, юным, поражающим силой огня, разгорающегося во взгляде. И Анна сходила с ума, запутанная этой причудливой игрой собственного воображения, не зная, чему верить.

Его слова сыпались на голову Анны, словно тяжкие камни, и она едва сдерживалась от того, чтобы закрыть голову руками, зажать уши руками и не слышать этого страшного голоса, в котором причудливо сочетались завораживающая красота и хищная ярость. Король еще раз повторил эту страшную правду – именно из-за него погибла Изабель; сердце Анны рвалось от боли и ненависти. Воздух, казалось, звенел от напряжения, Анна чувствовала, что задыхается от страха, все ее тело сводили судороги, когда она пыталась выровнять дыхание так, чтобы Король ничего не заметил. Но, казалось, он так погружен в собственные мысли, что не заметит подвоха, даже если с губ Анны сорвется нечаянный вопрос.

- Ты очень красива, – продолжил Король. – Так красива, что будь ты при дворе, я бы обязательно заметил тебя. Даже Бьянку ты затмеваешь, словно солнце – звезды, а ведь она блее сверкающего снега. Жаль портить такую красоту. Она совершенна; глядя на такую, понимаешь, что не воспользоваться ею невозможно. Пожалуй, я переживу твою... холодность. Поэтому, – руки Короля скользнули по ее груди, осторожно обнимая приятную округлость, – давай притворимся, – его голос понизился до интимного шепота, – будто влюблены. Ты же сохранишь эту мою тайну? Не скажешь никому?

От неожиданности Анна едва не охнула. Она ожидала чего угодно – болезненного удара, хлесткой пощечины, которая повергнет ее на пол, – а получила самое вкрадчивое, самое нежное прикосновение, какое только могла представить. Странное чувство; Анне показалось, что жестокий порочный Король, тот самый, о котором ее отец говорил с нескрываемым ужасом, тот самый, который убил ее несчастную сестру Изабель, ласкается к ней, в отчаянной попытке стараясь отыскать тепло, так неосторожно обещанное ему старым Вороном.

«Что?! – в панике думала Анна, ощущая осторожные поцелуи на своей подрагивающей шее. – Что?!»

Беспомощная, почти детская вера в чудо укротила Короля; даже если нет... даже если не выйдет ничего – немая невеста никому не расскажет, чего на самом деле от нее хотел жестокий Король.

– Ты же чувствуешь, – шепнул Король, заключая в объятия теплое тело девушки, поглаживая ее напряженную спинку. – Ты же можешь ответить мне... ну же!

Голос его звучал почти умоляюще, и Анна едва сдержалась от того, чтобы поддаться на его бархатную завораживающую магию. Но вовремя спохватилась, замерла неподвижно в руках Короля; нет! Нельзя; нельзя отвечать на его просьбы, ведь Изабель не ответила бы. Ответить, поддаться, соблазниться его ласками означало то же самое, что подписать отцу смертный приговор наверняка. Стоит только шелохнуться, вздохнуть чуть глубже и свободнее, и Король тотчас догадается и подмене и об обмане, и тогда...

Анна зажмурилась; она нарочно не смотрела на Короля, нарочно запрещала себе разглядывать его, хотя хотелось смотреть во все глаза, любоваться, наслаждаясь невероятным счастьем – он тут, он рядом с ней! Это его руки ласкают ее грудь, это от его умелых прикосновений ее соски становятся чувствительными и острыми. Это его губы оставляют на ее коже поцелуи, расцветающие теплом и негой. Он склонился над запрокинутым лицом девушки и его губы коснулись ее губ, так, как Анна представляла себе сотни раз, нежно и сладко, лаская атласную чувствительную гладкость.

Первый поцелуй, что случился в жизни Анны, поверг ее в трепет и шок. Неискушенная, невинная, она не знала, как это сладко бывает, как чувственна эта ласка, какая нежность в ней сокрыта. В висках Анны зашумело, словно сладкий хмель ударил ей в голову, словно живительная сила и тепло огня пролилась в ее раскрытые губы. На эту неспешную, осторожную ласку тотчас захотелось ответить – прижаться к целующему ее Королю, забыв обо всем, растаять от его нежности. Его губы прихватили ее нижнюю губку вместе с языком, поглаживая и рождая приятные ощущения, язык коснулся ее языка, и Анна едва не вскрикнула – настолько бессовестным и интимным показалось ей это приятное, мягкое прикосновение. Король целовал и целовал ее, лаская ее разгоряченные губы языком, пробудив разом в ее душе всю страсть, что была отведена ей природой, повергая ее в экстаз каждым прикосновением.

Но его жестокие, полные яда слова набатом звучали в ее разуме, и Анна холодела, вспоминая бедняжку Изабель и чувствуя страх отца, слыша, как страдает его старое сердце в тот миг, когда ухмыляющийся Король смотрел в его глаза. И тогда поцелуи его становились ей невыносимо отвратительны, несмотря на то, что он прилагал все свои усилия, пытаясь разбудить в покорном теле нотку чувственности.

Глава 4. Заклятие тысячи любовников

Казалось, Король весь обратился в слух; закрыв глаза, целуя и лаская Анну, он будто прислушивался к чему-то невидимому, неосоздаемому. Он слушал свои чувства, пытался понять, что ощущает, лаская податливое покорно тело - и пытался услышать отклик от девушки. Хоть какой-нибудь.

С каждой минутой Анне было все сложнее притворяться бесстрастной. Мало того, что она была вынуждена скрывать душащий её стыд оттого, что Король видит ее обнажённой, так ещё и его руки...

Они поглаживали Анну в таких местах, о каких она даже стыдилась думать. Пальцы Короля скользили по изгибу её спины, по аппетитным ягодицам, и касались её между ног так, что обласканное место наливалось горячей пульсацией, такой чувствительный и сладкой, что Анна едва могла сдерживать жалобный стон.

Ладонь Короля скользнула по её животу, по соблазнительной мягкой округлости, и Анна задрожала, когда его пальцы коварно коснулись её самого сокровенного местечка, лона, влажного и чувствительного, отозвавшегося на прикосновение сладкими глубокими спазмами. От неожиданности девушка не удержалась, стиснула колени, и Король рассмеялся, все так же нежно касаясь её губ своими губами.

- Ты чувствуешь, - пробормотал он. В его голосе слышалось ликование. - Ты все чувствуешь! Я слышу, как бьётся твоё сердце. Но ты же послушная девочка, - он чуть двинул ладонью, крепко зажатой меж дрожащих бёдер девушки. - Раздвинь ноги.

Анна, едва не рыдая от стыда, вся дрожа, повиновалась. Не так она представляла себе свою первую ночь с мужчиной, не так! В своих местах она рассчитывала, что её избранник будет деликатен и пощадит её нежные чувства. Все должно было происходить в постели, под одеялом, и постепенно. И жених должен был познавать её тело не спеша... И уж никак не выставлять её голой на яркий свет, не рассматривать её пристально, не считать родинки на подрагивающем белоснежном животике, не исследовать пальцами бархатистую кожу, гладкий чистый лобок, не рассматривать, как соски от его ласк, от прикосновений его горячего языка, становятся маленькими и остренькими.

И уж тем более он не должен был велеть ей раздвигать ноги так, словно она, Анна, была какой-то уличной девкой без капли стыда.

Однако, Изабель, безмолвная Изабель, подчинилась бы любому приказу, не моргнув и глазом, и Анна, опустив лицо так, чтобы Король не видел её стыдливо заалевших щёк и закушенных губ, послушно развела ноги и позволила его руке трогать ее там, в самом стыдном и чувствительном месте, отчего по всему её телу разливались горячие волны неведомого ей доселе удовольствия.

"Пожалуйста, только не это!" - молила Анна непонятно кого, когда его палец вкрадчиво скользил меж влажных припухших губок и касался такого местечка, что девушку начинала бить неумная дрожь, а колени её предательски тряслись. Анне казалось, что прикосновения Короля жгут её огнём, и внутри у неё все полыхает невероятным удовольствием, которое все усиливалось и грозило стать чем-то большим, чем-то невыносимым настолько, что Анна понемногу - она не сможет держаться, она закричит...

А Король словно нарочно терзал её все сильнее. Его умелые чувствительные пальцы отыскивали какую-то точку, от прикосновения к которой Анна со стыдом чувствовала, как течёт, становится все жаднее до ласк, и уже охотнее подставляется под глядящую её руку.

"Я веду себя совершенно недопустимо, - даже мысли в голове Анны возникали какими-то яркими вспышками. - Как бы падшая женщина... Недопустимо-о-о... Я не должна вести себя так, нужно быть бесстрастной, недопустимо делать это..."

Но было поздно; Анна со стыдом поймала себя на мысли, что невыносимо хочет его - Короля, Влада, - хочет, чтобы он неотрывно ласкал её и целовал так, что у неё голова кружилась.

Король гладил её так чувствительно, что девушка и не заметила, как сама, по своей воле шире развела ноги и блаженно зажмурилась, вздрагивая от самого лёгкого касания.

Его пальцы развели влажные лепестки, прикрывающие ее лоно, и толкнулись внутрь её тела так сильно, что от неожиданности Анна едва не вскрикнула и даже привстала от боли на цыпочки. Скрывать одолевающие её эмоции, причудливо переплетенные в её душе - стыд, нервное возбуждение, подступающее наслаждение и страх, - становилось все труднее, а тут ещё и боль...

"Только не закричать! - в панике думала Анна, упрямо сцепив зубы. - Только не выдать себя! Что боль, её можно перетерпеть... За обман на дыбе будет ещё больнее!"

И она отважно молчала, изо всех своих сил изображая покорность и смирение.

Пальцы Короля все настойчивее поглаживали девушку, но теперь эти прикосновения были неприятные, и Король снова усмехнулся.

- Девственница, разумеется, - пробормотал он. - Надо же, какой щедрый дар...

Его голос предательски дрогнул. Была ли виновата в том прелесть юной девушки, её молчаливая покорная стыдливость или нечто иное, но Король был уже сильно возбужден. Взяв маленькую ручку Анны, он положил её ладонь на свой вставший член и чуть сжал на нем пальцы девушки.

- Приласкай меня, - хрипло велел он. В его властно, сильным голосе проскользнула почти умоляющая такая беспомощная нотка, что Анна, несмотря на стыд, провела по его восставшей плоти почти с наслаждением, чувствуя, как от её несмелой, неумелой ласки Король дрожит и чуть слышно стонет от нетерпения и удовольствия, подаётся весь вперёд и замирает, когда её тонкие пальчики чуть поглаживают чувствительную головку его члена. Раньше Анна не видела обнажённых мужчин, и даже не представляла, как они выглядят. Теперь же, лаская Короля, она испытала нечто сродни восторгу, отмечая, что Король красив везде - даже там, куда она смотреть стыдилась. От её прикосновений его член в её руке становился все больше, все твёрже, и Анна в панике подумала, что в хрупкое тело Изабель этот предмет вряд ли поместится. Как?! Вот этим? Невозможно!

И её руки начинали дрожать, дыхание перехватывало от волнения, когда она понимала, что сейчас с нею произойдёт.

- Твоя чистота и невинность пьянит сильнее вина... Может быть старый Ворон был прав... Был прав...

Подхватил девушку на руки, он без труда перенёс и уложил её на постель. Его губы коснулись её груди, целуя по очереди остренькие соски так трепетно и осторожно, что Анна снова ощутила прилив неимоверного жара, от которого хотелось извиваться, тереться всем телом, чтобы унять непонятную, неведомую ей доселе жажду.

- Я заставляю тебя кричать, - шепнул он. - Я научу тебя любить меня так, как мне хочется.

Он снова развёл её ноги, почти силой, и Анна едва не заплакала от стыда, когда его губы коснулись её там, между ног. Не смея даже дышать, девушка покорно лежала на постели, ощущая лишь то, как руки мужчины жадно тискают её бедра, а его горячий язык жадно вылизывает её мокрое лоно. Его беззастенчивая, откровенная ласка очень быстро опьянила девушку, вскружила ей голову, и Анна, которая давала себе слово молчать и терпеть все, что вздумает с ней сделать Король, вдруг протяжно и совершенно беспомощно застонала, ощутив, что от поцелуев Короля меж ног её становится горячо, нестерпимо горячо, и от этого жара все её тело выгибается против её воли. И вот она уже кричит, забившись в крепко удерживающих её руках, вопит, позабыв все доводы разума, невероятно широко раскрыв глаза и чувствуя, как её лоно пульсирует наслаждением, которое девушка себе даже вообразить не могла.

Теперь от каждого его прикосновения, от каждого поцелуя Анна вздрагивала и интуитивно пыталась вывернуться из-под губ, ласкающих её важное лоно. Король прижимался настойчивее к пылающей возбуждением точке, и Анна заходила в криках, дрожа всем телом в его руках.

- У тебя прекрасный голос, - шепнул Король, исцеловывая покорно раскрытые перед ним бедра. - Я хочу послушать его ещё. Ты будешь кричать для меня всю ночь.

Анна не ответила; постанывая, она кротко позволила поставить себя на колени в какую-то унижительную, животную позу, и получила новую порцию обжигающего стыда, когда Король склонился над её ягодицами и поцеловал её меж дрожащих ног, стиснул жадно мягкое податливое тело до боли, раскрыв её лоно и сжавшееся тёмное пятнышко ануса.

"Это все не для приличной девушки, нет!" - в панике думала Анна, уткнувшись мокрым лбом в постель и вцепившись зубами в покрывало, потому что теперь её мокрой промежности касались не руки и не губы Короля.

Его возбужденный член скользил меж её мокрых губок, то нажимая на её ставший очень чувствительным клитор, заставляя девушку жалобно скулить и сжиматься, то чуть толкаясь в её лоно, отчего тянущая боль накрывала все её существо, и Анна крепко зажмурилась, преодолевая в себе жгучее желание свести ноги вместе, скрыться, спрятаться от стыда.

Пальцы Короля неспешно порхали над дрожащей спиной девушки. Сначала она думала, что так он успокаивает её, поглаживая, но по мере того, как его пальцы касались её все чаще и чаще, Анна поняла, что он выписывает на её спине какие-то символы, и обмерла от ужаса, когда почувствовала, что некая неведомая сила стискивает её запястья и вкрадчиво заставляет её вытянуть руки вперёд. Ощущение было таким, словно невидимый человек делает это, тянет её, делая беззащитнее перед Королем. Анна едва не выкрикнула во всю глотку от ужаса, когда точно такие же невидимые, но вполне осязаемые, как реальные, руки ощутила у себя меж ног. Горячие крепкие ладони впились в её мягкие бедра, раздвигая их шире, удерживая максимально раскрытой, и Анна запоздало рванулась, желая освободиться от магических пут, но не тут-то было.

Всё новые и новые невидимые ладони касались её кожи, разглаживали её плечи, обнимали горячие груди, щекотали соски, жадно хватали бедра на внутренней, самой чувствительной стороне. Анне показалось, что она оказалась в постели по крайней мере с десятью мужчинами сразу, и это их нетерпеливые руки ласкают и гладят её всюду, где им вздумается, всюду, где может оказаться чувствительное место, и прикосновения их легки и невыразимо приятны. Пальцы их обводят контур её задыхающихся губ, безжалостно теребят чувствительный клитор, бессовестно тискают мягкие ягодицы, добираясь до тёмного пятнышка ануса. Захлебнувшись в потоке жарких ласк, утонув в приятных ощущениях, что дарили ей поглаживания, пощипывания, Анна уже не различала, где касается её Король, а где - магическая сила. И потому, когда член Короля раздвинул её мокрые лепестки и с силой толкнулся в её лоно, она не сразу поняла, что произошло. Она была так ошеломлена и сбита с толку сотней прикосновений, что вместо страха вдруг ощутила горячий, страстный поцелуй на своих губах, который стёр, заглушил её болезненный вскрик, и жёсткие сильные толчки в свое тело, наполняющие её неведомыми доселе ощущениями.

"Уже, - подумала Анна, вся дрожа. - Он сделал меня своею..."

Меж тем магия, призванная Королем, лишь набирала силу.

Он склонился над мокрым телом Анны, дрожащем в невидимых путах, и жарко поцеловал её в плечо, словно дав сигнал многочисленным невидимым губам. И тут девушка не вынесла - закричала, ощутив поцелуй сразу на обеих своих грудях. Невидимые губы посасывали её соски, языки щекотали их и неспешно, чувственно вылизывали, и обездвиженная Анна

забилась словно рыбка в сетях, чувствуя такие же горячие, жадные поцелуи у себя меж разведенных ног, на горящем возбуждении и желанием клиторе.

Беспомощная и растянутая, крепко схваченная, она кричала, утопая в этих откровенных ласках, которыми омывала её магия Короля. Ей казалось, что сразу несколько мужчин желают овладеть ею, казалось, что они по очереди целуют её разгоряченные губы, проникают языком в её рот и ласкают так сладко, что Анна начинала поскуливать, ощущая первые спазмы-предвестники ослепительного наслаждения.

Толчки в её тело перестали быть болезненными; теперь Анна принимала их с нескрываемым удовольствием, и даже когда Король закинул её связанные магией руки к себе на плечо, заставив Анну подняться и прижаться к нему спиной, подобно добыче, её это не смутило.

Любовь мужчины больше не казалась ей чем-то стыдным; постанывая от наслаждения, она принимала поцелуи Короля, позволяла его рукам ласкать её тело меж ног, тискать груди, и когда наслаждение пришло, вся магия, что была заключена в маленьком изящном теле Изабель, с силой вырвалась наружу, растворяя слившихся воедино людей. Она проникла в кровь Королю, коснулась самого его сердца, наполнив его душу невероятным, небесным наслаждением, какого он раньше не испытывал, и нашептала ему на уши прекрасным девичьим голосом:

- Я люблю тебя...

Глава 5. Король и Королева

Отблески коснувшегося его чуда все еще сияли в глазах Короля. Прекрасные слова все еще звучали эхом в его ушах, и он впервые в жизни почувствовал, что ему говорят правду, прекрасную, самую желанную правду в его жизни.

Стыдливо, робко, наверняка заливаясь краской, пряча глаза, смущаясь и теряя голос, но все же отважившись, ему говорят три главных в жизни слова, просто, без пылких заверений и вычурных доказательств.

- Я люблю тебя...

Любовь девушки, растворившейся в своем чувстве, ласкала его больше ее горячего тела, и Король блаженствовал, чувствуя, как его собственная душа устремляется в небеса. Покорность женского тела в его руках, стоны, полные блаженства и доверчивость, с какой девушка подчинялась ему, волшебным образом превратилась в самый драгоценный дар, что может случиться. Дар, когда женщина отдает всю себя только потому, что хочет этого.

- Что ты сказала?!

Влад не знал, зачем он спросил это.

Может быть, хотел повторить прекрасное блаженство, ускользающая тень которого все еще ласкала его, растворяя в неге; а может быть, разум - холодный и жестокий, - очнулся от очарования любовной игры и требовал ответа на самый главный вопрос.

- Ты можешь говорить?! Ты умеешь говорить?!

Мягкое расслабленное тело женщины в его руках вмиг стало напряженным, и Влад, отстранив ее от себя, отбросив в постель, с ужасом и отвращением отпрянул от той, которую только что целовал и обнимал с нескрываемым удовольствием.

Девушка испуганно вскрикнула, натягивая на грудь покрывало, скрывая свои прелести от взгляда Влада, хотя всего минуту назад и не пыталась спрятаться и не выказывала ни малейшего смущения, когда он делал с ней все, что хотел.

Вмиг все странности и нестыковки, что тревожили и от которых он отмахивался, стали понятны, заняли свое место в причудливой мозаике реальности. И то, что невеста казалась ему скованной, смущенной, и то, что она упорно избегала опускала взгляд, не смотрела в его глаза, стало ему понятно. В глазах безумцев отражается черное небытие; а глаза девушки наверняка были умны, и одного взгляда было бы понятно, что она может мыслить.

Подлог; его пытались надуть, обмануть, купить, как мошенники на ярмарке обманывают доверчивых селян!

- Великолепная игра! - зло прошипел Влад, глядя, как выражение всепоглощающего ужаса выписывается в чертах девушки. - Посмотри мне в глаза! Сию минуту посмотри мне в глаза!

Девушка несмело подняла взгляд и тотчас снова уткнулась лицом в ладони. Но и того краткого мига, на который ее темные глаза, истекающие прозрачными каплями слез, и его - светло-зеленые и холодные, как лед в горном озере, - встретились, Владу было достаточно, чтобы понять: девушка вовсе не безумна, несмотря на уверения ее отца.

- Снова ложь! - произнес Влад. На губах его заиграла злая, отвратительная улыбка, он рассмеялся, от самого себя скрывая горечь очередного досадного обмана. - В месте, где мне обещали чистоту и искренность, я нахожу одно и то же - гнездо, полное ядовитых змей! И имя им - ложь! А я почти поверил в то, что старик действительно жертвует всем - и собой, своей жизнью, своей кровью, своими детьми, - чтобы провести в этот мир величайшее из чудес, а он просто, - тут Влад не выдержал и расхохотался, рассматривая вздрагивающую от рыданий девушку, - он просто решил породниться с Королем! Возжелал влияния, власти. Интересно, на что рассчитывал этот старый мелкий мошенник? На то, что обман не вскрыется, на то, что

я окажусь так глуп, что ничего не замечу, или на то, что я все прощу, купившись на твою красоту?!

Он снова расхохотался - зло и страшно, - хотя пожар ярости, стыда и разочарования сжигал его душу. Черт, а так неплохо все начиналось... Он еще раз скользнул взглядом по склоненной головке девушки, по ее роскошным волосам, рассыпавшимся по плечам, и у него от боли сердце сжалось. Какая красивая... даже сейчас ее отчаяние, ее слезы тронули его ожесточившееся сердце, Влад с трудом подавил в себе желание коснуться ее белоснежного плеча, хранившего след от его горячих поцелуев, отереть ее слезы и еще раз глянуть в прекрасные темные глаза, чтобы с надеждой задать глупейший в мире вопрос.

«Скажи мне, что я ошибаюсь. Ну, ведь ошибаюсь же, да?!»

Глупая человеческая надежда, такая робкая и хрупкая, такая трогательная, что убивать ее больнее, чем рвать собственное тело. Влад чувствовал, что сердце его вопит от боли, умоляя сию же минуту, сейчас же задать этот вопрос и глотнуть лжи, сладкой лжи, которая ненадолго уймет боль, но он удержал себя от этого порыва.

Он сжал зубы, отмечая это трогательное, такое искреннее, живое желание, такое несвойственное для него, просто жалкое проявление его человечности и слабости, и упрямо тряхнул головой. Никаких поблажек! Девчонка и старик - оба они проходимцы, шарлатаны, лгуны и аферисты, они заслуживают самой суровой кары, и прощения им нет!

- Завтра же, - выдохнул Влад злобно и жестоко, - твой лживый негодяй отец будет сожжен на главной площади моей столицы, а перед этим - колесован, за то, что посмел попробовать обмануть меня. А тебя палач распишет плетью так, что ты - если выживешь, - будешь напоминать человека очень отдаленно!

- Нет! - выкрикнула девушка, мгновенно подскочив и бросившись Владу в ноги. - Пощадите отца! Он не виноват, не виноват!

Ее руки обнимали его колени так пылко, горячая грудь касалась его кожи, темные заплаканные глаза смотрели так умоляюще, что Влад снова ощутил болезненный укол жалости в своем сердце, и его разум заметался в поисках выхода. Как разорвать свою душу надвое?! Чтобы пощадить ее, как заставить себя забыть, что эта прекрасная мерзавка только что наполнила его самым гнусным ядом - обманом?... Или как заставить себя не вспоминать нежные три слова, которые пролились в его душу живой родниковой водой, подарили ему глоток жизни, прекрасной, как самая невероятная мечта?!

«Скажи это еще раз. Скажи, чтобы я снова почувствовал это всем сердцем, и я не посмею тронуть тебя... За тень наслаждения, которое дарят твои слова, я отгрызу себе руку, которая захочет нанести тебе удар! Сажу их!»

- Он обманул меня, - глухо ответил Влад, отстраняя от себя девушку. Одного прикосновения к ее бархатистой коже было достаточно, чтобы в памяти снова оживило звенящее чудо, душа его затрепетала, и оттолкнуть от себя ту, что называлась его невестой, а на поверку оказалась ловкой мошенницей, было равносильно тому, что вырвать у себя клочок кожи. - Я не прощаю лжи.

- Если и была ложь, - с силой выкрикнула девушка, подскочив на ноги, - то только я в том виновата! Накажите меня; но не троньте отца! Он честный ваш слуга, он не заслуживает всего того, что вы о нем говорите!

Влад мельком глянул на девицу, смело стоящую напротив него - обнаженную, раскрасневшуюся от пролитых слез и решимости. Терять ей было нечего; это она понимала. И от ее стыдливости не осталось и следа, потому что сейчас она сражалась за жизнь самого близкого ей человека.

- Не смейте обвинять моего отца во лжи, - окрепшим голосом произнесла девушка, и Влад иронично вскинул бровь - однако! - Он действительно пошел на все те жертвы, о которых

вы сейчас сказали! Он действительно вырастил для вас Седьмую Дочь - пустой Сосуд, покорное тело без души!

- Но я не вижу перед собой ее, - вкрадчиво произнес Влад. - Ты кажешься мне весьма разумной. Одного взгляда в твои прекрасные глазки, - он протянул руку, коснулся ее щеки, его большой палец провел по раскрасневшимся губам девушки так вкрадчиво и медленно, что это больше походило на интимную ласку, полную желаний, чем на оскорбительный жест, который дарят предателям, - достаточно, чтобы понять: ты никогда безумной не была.

Даже теперь прикосновение к этим прекрасным, но лживым губам показалось Владу самым желанным, самым прекрасным ощущением на свете. Большого труда ему стоило не показать девушке, что он хочет еще и еще касаться ее, склониться над ней ниже, рассматривая ее невероятно красивые глаза, любоваться ее юной прелестью и дышать одним с ней воздухом. Какая ирония!..

От гнева щеки девушки запылали, она дерзко отстранилась, не позволяя больше Королю касаться себя.

- Вы сами все испортили! - яростно выкрикнула девушка, сжимая кулачки. Ее вид - боевой и очень трогательный, - позабавил Влада, ее готовность драться и идти до конца невольно понравились ему. Надо же! Полчаса назад эта крошечная девушка была девственницей; полчаса назад она дрожала от страха в его руках, а сейчас готова кинуться с кулаками...

- Вы сами могли бы догадаться, - продолжала меж тем она, - ведь это был первый ваш вопрос, обращенный ко мне: почему ты не умерла?

- Что? - переспросил Влад, сбитый с толку.

О том, что он пытался избавиться от невесты, он как-то позабыл, это выпало из его головы, и, скорее всего потому, что невеста с первого же взгляда пришлась ему по вкусу. В глубине души, увидев предназначенную ему девушку, он даже испытал облегчение оттого, что убийство не удалось, и списывал все на невероятную, неведомую ему силу магической девы. Как вдруг преступление, которое он совершил и о котором благополучно позабыл, вскрылось и настигло его, заставив дрогнуть и оторопеть.

- Изабель, - со слезами, звенящими в ее голосе, выкрикнула девушка, - моя несчастная маленькая сестра, Седьмая Дочь, безумная Изабель умерла! Вы убили ее! Вы признались мне в этом, едва переступив порог этой комнаты! Вы нашептывали мне это с ненавистью, спрашивая, почему я послушалась вашего приказа и не умерла! Но она умерла! Она легла в ванную, полную холодной воды, и покорно захлебнулась там - ровно так, как вы ей велели это сделать!

В голосе ее послышалась такая боль и такое отвращение, что Влад понял - девушка честна с ним. Забывшись в любви, утонувшая в ласках, она позабыла, что он - убийца; но сейчас воспоминание об этом больно резануло ее душу, и она содрогалась от омерзения, которое испытывала к нему - и к себе, за минутную слабость, за то, что с такой нескрываемой страстью отдавалась тому, кто хладнокровно убил ее маленькую беззащитную сестру. По щеке девушки быстро пробежала слеза, прочертив блестящую дорожку, она едва не разревелась в голос, мысль об утрате рвала в клочья ее душу, и она стояла перед Владом, дрожа от боли, которую он причинил ей.

- И потому ты решила лечь под меня, чтобы воспользоваться моментом и стать королевой вместо нее? - ядовито спросил Влад, изо всех сил пытаясь не замечать, какие муки причиняют ей его безжалостные, полные презрения слова, и девушка от гнева даже топнула ногой, позабавив его еще больше.

- Да как вы смеете! - выпалила она, багровея до корней волос.

- Для девственницы это действительно очень смелый и дерзкий поступок, - поддакнул Влад, и девушка закрыла руками пылающее лицо.

- Нет, нет, нет! - выкрикнула она в отчаянии. - Я никогда не посмела бы обмануть вас... и никогда не осмелилась бы занять ее место, но...

- Но ты его заняла, - с нехорошим прищуром заметил Влад. - Что ты скажешь на это? Очередную ложь? Как интересно послушать.

- Я не знала, что это вы сделали, - шепнула девушка, захлебываясь рыданиями. - Не знала, что такова была ваша воля - лишить жизни ту, что итак не жила и не ведала радости

- Не смей вызывать к моей жалости. У тебя все равно ничего не выйдет, - холодно проговорил Влад, и девушка снова топнула ногой, горячася. - Ответь на мой вопрос. Как вышло, что ты легла со мной в постель?

- Вызывать к жалости?! - выкрикнула она с горечью. - У меня нет заблуждений по поводу вас и того, что вы из себя представляете! Вы - жестокий монстр, у вас нет сердца ничего человеческого! Бесплезно вызывать к тому, кто глух!

- Станный способ выторговать жизнь отца, - зло процедил Влад, чувствуя прилив стыда. Он только что ласкал эту женщину, ласкал осторожно, стараясь доставить ей удовольствие. Пожалуй, можно сказать, что он был с нею очень нежен и приложил все свое умение, чтобы сгладить ее боль от первой в ее жизни ночи с мужчиной. И получить в обмен на это хлесткие, полные ненависти слова было все равно, что заработать пощечину. Целый град унижительных оплеух. - Оскорбляя того, кого посмела еще и обмануть. Не забывай, с кем ты разговариваешь. Я могу велеть повесить тебя на площади за одну твою дерзость. И за обман - в обмане ты призналась.

- Я невольно совершила его, - дерзко ответила Изабель, отирая слезы. - Не знаю, что за сила перенесла меня в тело несчастной Изабель, не я выбрала этот путь. Да только я пришла в себя в той самой ванной, в которой окончилась ее жизнь! Я - старшая дочь Среднего Ворона, Анна. Слуги твердили мне, что вы разгневаются и жестоко покараете отца, если не получите желаемого - Седьмую Дочь, - и я... решила на этот поступок. Защищая свою семью. Только ради этого.

Влад прищурился, его глаза превратились в две тонкие щелки; он все еще с недоверием смотрел на плачущую девушку, но уже не называл ее лгуньей.

- Вот как, - произнес он отчасти задумчиво, рассматривая обнаженную прелестницу. - Значит, эта красота все же была предназначена мне?

Девушка не ответила; теперь, когда она во всем призналась, напряжение схлынуло, боевой запал угас, и она со стыдом прикрылась, переминаясь с ноги на ногу, испытывая одно лишь желание - прикрыться, спрятаться, чтобы зеленые глаза мужчины не рассматривали ее, обнаженную, беззащитную, так беззастенчиво и любопытно.

- Прошу, - тихо, дрожащим голосом, полным ужаса, промолвила девушка, покорно склонив голову, - пощадите моего отца. Он ни в чем не виновен; теперь вы знаете все, и в вашей воле казнить меня, но отца пощадите... Вы получили от меня то... - ее голос даже задрожал от мучительного стыда, слезы снова закапали из темных глаз, девушка не вынесла - согнулась, словно несмыаемый позор пригнул ее ниже к земле. - То, что предназначалось одному лишь мужу. Для меня эта жертва намного... ценнее, чем жизнь. И ради этого... ради нее... я прошу у вас о снисхождении: пощадите отца.

Влад снова почувствовал робкое прикосновение магии, словно чья-то слабая несмелая рука тронула его. Все мысли, все чувства девушки, растворенные в магическом прикосновении, были как на ладони, и Влад точно мог сказать, когда она лукавит, а когда говорит правду. Сейчас магия, исходящая от ее прекрасного, хрупкого тела, была полна страха, боли и стыда, и Владу стало нестерпимо жаль ее, эту совсем юную девушку, маленькую и напуганную, которая попыталась исправить все ценой своей чести...

- Что ж, - холодно проговорил Влад, тщательно скрывая то теплое чувство по отношению к девушке, что проросло в его душе, - пожалуй, я удовлетворю вашу просьбу. Обещаю - отец ваш останется невредим.

- Благодарю вас, Ваше Величество, - еле слышно прошептала она, содрогаясь от беззвучных рыданий. - Могу ли я просить вас еще об одной милости?..

Казалось, что теперь, когда главное, чего она желала, было получено, весь боевой настрой ее иссяк, она лишилась сил, и покорно опустила к ногам короля на колени.

- Умоляю, - дрожащим голосом произнесла она, - сжальтесь. Пощадите меня. Я всего лишь хотела спасти отца от вашего гнева. Простите мне мою дерзость! Я хотела занять место Изабель и служить вам вместо нее, лишь бы вы только не покарали отца. Я не знала... Теперь, когда вы все знаете, я прошу только о пощаде и о том, чтобы вы оставили меня... ну, я же отдала вам все, что могла, пощадите...

Рыдания прервали ее слова, она закрыла лицо и вся сжалась в комочек, такая испуганная, крохотная и слабая.

- Боюсь, это невозможно, - холодно ответил Влад, и девушка в ужасе вскрикнула и подняла на него перепуганные глаза.

- Невозможно? - повторила она голосом, полным животного ужаса. - Но вы Король!.. В Вашей власти все, казнить и миловать!..

- В моей власти все, - холодно перебил ее Влад, - кроме данных клятв и обещаний. Я не нарушаю своих слов. А слово я дал, - он отвернулся от скулящей в ужасе девушки, чтобы не видеть ее отчаяния. - Я не могу оставить тебя теперь. И не потому, что не хочу; я подписал договор с твоим отцом, он вручил тебя мне. Ты - уже моя жена; брак наш освящен Друидами. Именно поэтому я здесь, с тобой.

- Нет! - прошептала девушка. Вся кровь отлила от ее лица, так, что побелели прекрасные губы и темные глаза на белоснежном личике выглядели черными бездонными провалами. - Этого не может быть, нет! *Я не хочу!*

Ее голос сорвался в крик, она подскочила на ноги, снова обретя силы сражаться и пыл. Стать женой убийцы, кричало все ее существо, принадлежать тому, кто уничтожил кроткую Изабель! Это невозможно, нет, невозможно!

- Но не было же свадьбы! - выпалила она, позабыв даже прикрыть грудь. Глаза ее горели безумной надеждой на то, что все, что она слышит - неправда, бред. Ее разум цеплялся за любую возможность оспорить и расторгнуть навязываемый ей брак. - И я не давала своего согласия! И... и... священник не слушал наши клятвы... и... мы не обменивались кольцами!

Слушая ее горячечные доводы, Влад лишь усмехнулся.

- Вы названы безумной вашим отцом, - небрежно ответил он, кривя губы в презрительной усмешке. - Вашего согласия и не требовалось. Я просто выразил свою готовность взять вас - и вот вы моя.

- Но я не хочу, не хочу, не хочу!

В темных глазах дочери Ворона светился такой ужас, что Влад не вынес - взорвался. Одним прыжком он оказался рядом, запустил руку в прекрасные волосы девушки, грубо оттянул ее голову назад - так, что она вскрикнула и ухватилась за его руку, причиняющую ей боль, - и, заглядывая ей в глаза так яростно, словно желая рассмотреть самую душу, зашипел:

- А это уже не вам решать... Ваше Величество! Здесь все решаю я! Твой отец - я уже говорил об этом, и ты поняла бы, если б хорошенько слушала меня, - принудил меня к этому браку шантажом. Ты слышишь меня?! Гнусным, мерзким, липким шантажом! Более того - он взял с меня штраф, да, деньги, - его голос стал издевающимся, - очень круглую сумму в залог, чтобы я в гневе не испортил тебя, не переломал тебе ноги. Для меня эта сумма ничего не значит, но выходит так, что я купил тебя. Оплатил свои фантазии, если мне вздумается отходить тебя по спине ремнем. Ты понимаешь, за какого подлеца просила, ради какого интригана ты пожертвовала своей честью, подарив ее мне, королю-мерзавцу и убийце?! Ты попала в игры сильных мира сего, глупая девочка! И тебе, если ты не можешь играть по правилам, не стоило и начинать! Твоя наивная и такая прекрасная попытка все исправить и защитить своего отца, в

одном пальце которого силы больше, чем во всем твоём хорошеньком мягком тельце, привела к тому, что все стало лишь сложнее! И брак, которого я не хотел и от которого желал всем сердцем избавиться, все же состоялся. По твоей вине. Я взял тебя. А мог бы все отменить, если б ты не стала скрывать, что ты совсем другая женщина. Брак заключен и свят в глазах богов. Видит Дух Ворона, я не хотел его! Не желал всем сердцем! Но ты сама выбрала этот путь; так теперь изволь пройти его до конца!

- Я не желаю быть вашей... женой!

Вспышка ее магии снова ослепила Короля, он даже прикрыл глаза от больно резанувших его самолюбие омерзения и ненависти, что испытывала к нему девчонка.

Убийца.

Убийца.

Убийца!

Это слово ядом сочилось, растворялось в воздухе, который она выдыхала, и Влад вынужден был вдыхать ее омерзение. Ощущать ее отвращение к себе было так же невыносимо, как и обонять отвратительный, тошнотворный запах. Никогда прежде Влад не видел подобной магии, позволяющей ему чувствовать и понимать другого человека точно так же, как самого себя, но сейчас, содрогаясь от того, что именно испытывает по отношению к нему эта странная девчонка, он понял, что это такое.

«Она же действительно была Седьмой Дочерью, Вместилищем. И я сделал ее своей, практически частью себя, - с горечью понял Влад. - Вот отчего она должна быть пустой. Она - часть меня. Она должна была наполниться моими чувствами, моей любовью к себе, поим пониманием своих поступков и стать мне опорой и поддержкой. А как жить с самим собой, который ненавидит и презирает?!»

- Не смей, - прошипел он злобно, встряхивая девушку, причиняя ей боль, - не смей ненавидеть меня! Ты - моя, тебя мне отдали, так что потрудись быть такой же покорной, какой была до сих пор! Не смей испытывать ко мне отвращения, слышишь?! Ты меня не знаешь! Ты не знаешь обо мне ничего! Не смей осуждать мой поступок! Посмотри хорошенько на меня: я похож на человека, который покорится и примет чужое решение, которое касается его жизни?! Я похож на человека, который позволит сделать себя всеобщим посмешищем, взяв юродивую жену?! Нет, черта с два! Я похож на человека, который приме отказ?! Ты будешь моей женой, черт тебя дери, ты будешь принадлежать мне, и ты будешь покорна и смирна, поняла?!

- Черта с два! - яростно выкрикнула девушка, вернув королю его ругательство. - Вы можете делать с моим телом все, что вам вздумается, но покорности не ждите! Вы купили тело, но душа моя вам не принадлежит!

- Мне принадлежит все в этом королевстве! - взревел Влад.

Он подхватил девушку так легко, словно она была пушинкой, и швырнул ее в постель, подальше от себя, словно боясь, что не вынесет и придушит ее.

- Значит, - прорычал он, тяжело дыша, укрощая свою ярость, - желаете свадьбу?! Хорошо, будет вам свадьба! Я покажу вам, черт вас дери, Ваше Королевское Величество, Анна-Изабель, что такое тяжесть королевского венца и королевского бремени!

Глава 6. Королевская свадьба

Где держат королевскую невесту, Барбарох узнал очень скоро – когда замок Среднего Ворона наполнился шумом, бряцанием черной брони и оружия, королевской Черной Стражей, заполняющей переходы.

Барбарох, несмотря на свою тучность и неповоротливость, почувствовал себя сухим листом, подхваченным ветром. Его толкали, отгоняли, велели убраться прочь с дороги, и он сбился с ног, запыхался, натер новыми туфлями мозоли на пятках, уворачиваясь от людей Короля. Казалось, измученный Барбарох готов был уже рыдать от усталости, когда, наконец, случай вывел его в галерею, вдоль которой стояла Черная Стража. Заслышав грозную поступь, Барбарох вмиг забыл обо всех своих болячках и шмыгнул в темноту небольшого алькова и затих там, затаив дыхание и втянув от волнения пузо настолько, насколько смог.

Эти шаги он узнал бы из тысяч других; грозная поступь, стальное бряцание по камням – то шел Король, а его сапоги, подкованные железом, высекали искры о каменный пол. Барбарох облился холодным потом, чувствуя, что сама Смерть опахнула его своим плащом – то зеленоглазый Король, грозный, как война, и прекрасный, как жизнь, прошел мимо в окружении немногочисленной свиты, самых приближенных людей, – и Барбарох, одним глазком глянув на комнату, откуда Король вышел, сразу понял: королевская невеста осталась там, за этими невзрачными дверями.

Насколько мог заметить Барбарох, Король выглядел немного утомленным, его светлые глаза покраснели, будто ему пришлось не спать всю ночь. На его лице застыло выражение напряженное и упрямое, он смотрел исподлобья, и, казалось, не видит никого вокруг себя, кроме какой-то никому неведомой цели. Король что-то задумал: Барбарох хорошо знал те упрямство и жестокость, что рассмотрел в глубине его светлых глаз. Он прошел мимо спрятавшегося Барбароха стремительно, и старый советник выдохнул с облегчением. Не хватало еще попасться Королю под горячую руку, когда он в таком настроении!

Однако, Король ушел, а невеста, в теле которой заперта Анна, осталась там, за дверями, охраняемыми самыми страшными самыми грозными Воронами из Стражи. Один их таких Воронов стоил и пятерых Коршунов, Король доверял им – а они служили ему верой и правдой. Нельзя себе даже вообразить, какая власть была заключена в их руках, которые сжимали оружие, защищающие покой Короля.

Впрочем, можно; едва стихли грозные королевские шаги и Барбарох осмелился выбраться из своего убежища и юркнуть поближе к дверям, как мощный удар свалил его с ног, и он заныл, ворочаясь на полу, пребольно отбив зад.

- Прочь от покоев Королевы! – в две глотки прохрипели страшные воины, скрестив копья, заграждая перед Барбарохом проход. То, что перед ними был королевский советник, им было плевать; из злые, светлые, как у Короля, глаза смотрели на поверженного Барбароха из прорезей страшных масок, стилизованных под оскалившиеся морды демонов, и магия стекала с пальцев, струясь синим газом.

Королевы!

У Барбароха сердце замерло, он едва не отдал богам душу тотчас же, здесь, на холодном полу в замке старого Ворона.

Так запросто и скоро – Королева! И Король вышел от нее неспроста...

- Сдается мне, – задыхаясь, прошептал Барбарох, отирая толстую шею платком, – что он не просто так провел тут ночь... Кажется, мерзавка понесла наказание, которое я ей хотел устроить... Король наверняка сделал ее своей. Что ж, надеюсь, теперь она, вернувшись обратно, станет более покладиста...

Однако, то, что Король провел с девушкой ночь и после этого признал ее своей Королевой, могло означать все, что угодно. Или он не заметил подвоха, и девица вытерпела все его фантазии, или что она умудрилась ему понравиться.

- Однако, какое мастерство! – шептал Барбарох. Ценность Анны в его глазах еще больше выросла, теперь он был уверен, что из этой умницы ему удастся воспитать прекрасную придворную интриганку.

Вторым немаловажным фактором, отчего Барбарох хотел исправить свою оплошность, был тот факт, что если обман все же вскроется, и Королю вздумается провести расследование, он очень легко может вычислить, кто вздумал шутить с королевской невестой. И это уже чревато серьезными проблемами.

Но священное слово «Королева» отрезало ему путь к девушке надежнее, чем каменная стена, и Барбарох ужасно страдал, терзаемый страхом, и ничего не мог поделать.

Король ушел, велев запереть двери и никого к Анне не пускать, кроме служанки, которая принесла девушке завтрак и принялась хлопотать, готовя той ванну.

- Вот и умница, вот и славно, - сгребая с постели белье с пятнами крови, бормотала Северина. – Король теперь кличет вас Королевой, моя госпожа. Видела его утром мельком; промчался по двору, что ветер, и кони его и его свиты остались у нас в конюшнях, - голос Северины интимно понизился, и она зашептала, таинственно вращая глазами. – *Обернулся!* Красивый! Так, стаей, и улетели; видно, очень спешили. А нам велели готовить вас к свадьбе. Сегодня в домашней часовне...

Она замолчала, отвернув лицо от поднимающегося горячего пара, ливанула кипятка в ванну из огромного ведра, а Анна, потрясенная этим известием, осталась сидеть перед зеркалом, как пришибленная.

Свадьба?!

Король не шутил?! Не издевался, не лукавил и не обманывал – он действительно решил взять ее в жены, сделать своей Королевой даже после всего, что узнал?!

Он ведь Король; он мог в любой момент расторгнуть этот брак, вынудив Анну все рассказать отцу. Двух дочерей старый Ворон точно Королю не обещал. Но Король промолчал...

Паника накрыла девушку с головой, она покорно позволила себя вымыть в душистой теплой воде, пахнувшей розами и шоколадом, расчесать и убрать волосы, и пришла в себя только тогда, когда в дверь постучали – и, не дожидаясь разрешения, вошли.

То были люди Короля.

Они принесли с собой все необходимое для того, чтоб приготовить королевскую невесту к венчанию, и Анна едва не разрыдалась от невероятного нервного напряжения, когда увидела свое подвенечное платье, разложенное на постели.

Это было поистине королевское платье из черного, как ночь, дорогого бархата, расшитого серебром и белым жемчугом, жарко горящим в свете свечей и камина. Кружевной высокий ворот сверкал каплями крупных бриллиантов, тугой корсаж был сплошь расшит драгоценностями, стомак* серебряным светлым клином ярко выделялся на безупречной черноте прекрасного бархата. Злился ли Король на Анну за ее невольную ложь или нет, а подарки к свадьбе он прислал поистине королевские, невероятные, драгоценные настолько, что бедная девушка, всю жизнь проходившая в самых скромных нарядах, едва чувств не лишилась, увидев это Вороново великолепие. О таком платье на свадьбу многие девицы Вороновых кровей и мечтать не смели – слишком тонкая ювелирная работы была проделана над ним, слишком идеальные, самые крупные и красивые камни украшали его, и слишком совершенный, слишком черный материал пошел на пошив этого наряда.

Когда расторопная Северина помогла Анне надеть это платье, девушка едва смогла устоять на ногах от невероятной тяжести – так много жемчуга, серебра и золота бы нашито на него, так длинен был шлейф и так пышны юбки, изукрашенные серебряной вышивкой.

В дивные волосы девушки Северина вплела жемчужные нити, покрыла ее голову драгоценной черной вуалью и надела поверх нее тонкий, как молодой серп месяца, маленький белый венец о пяти зубцах.

Но ноги Анны Северина натянула белоснежные тончайшие чулки и надела крохотные черные туфельки с серебряными брошками. Анна узнала эти туфельки; искусная вышивальщица, когда-то она сама изукрашивала их серебряными цветами и листьями, расшивала драгоценными камнями, готовя приданое Изабелы и тайком вздыхая о Короле.

Теперь же волей судьбы она сама надевала те вещи, что готовила для сестры; от страха и волнения руки ее тряслись, и Анна изо всех сил старалась удержать на своем лице выражение достоинства. Тот факт, что она теперь уже не прежняя серая мышка, а блистательная красавица, почему-то напрочь вылетел у нее из головы. В панике думала Анна о том, что сейчас ей придется идти рука об руку с Королем к алтарю, и все приглашенные – а это, несомненно, будут важные господа, придворные, все сплошь родовитые, богатые и знатные, – будут смотреть на нее, а ее короткая нога от волнения, как на грех, будет плохо сгибаться, заставляя девушку хромать еще сильнее. И эта неловкость, эта некрасивая убогая слабость может наверняка вызвать едкие улыбки, издевательские смешки. Люди, разряженные в пух и прах, станут рассматривать ее как ярмарочного уродца, в их глазах она наверняка увидит унижительную жалость. Анна словно наяву увидела их – эти насмехающиеся над ней лица, – и гордо вздернула подбородок, готовая с достоинством перенести все насмешки.

Анне хотелось спрятаться, не идти туда, на всеобщее обозрение. Но она знала одно короткое и суровое слово – долг. И не могла ему не подчиниться. Ради долга перед своей семьей она готова была пройти и это испытание, выдержать его с честью, как бы трудно ей ни было.

«Главное украшение человека – это его достоинство», – припомнила она слова отца.

Больше всего сейчас она хотела увидеть его, упасть ему в колени и расплакаться, выплакать и высказать ему весь свой страх, молить его защитить ее, отменить эту страшную свадьбу. Но, кажется, его тоже не пускали к новоиспеченной Королеве. Анне показалось, что она слышит его растерянный голос за дверями, ни никто не вошел. Стражи надежно охраняли свою Королеву.

Вероятно – эта шальная мысль мелькнула у Анны как краткая вспышка, – это Король так велел. Не пускать отца. Оставить его в неведении о том, что произошло, какая чудовищная подмена случилось. И измученная, напуганная Анна не могла понять, зачем он так сделал, хотел ли Король ее наказать, или же... странно, невероятно, невозможно!

Или же он тоже хотел оставить Анну себе.

Не хотел с нею расставаться. Не хотел отпускать.

Какая нелепая фантазия...

Когда служанка закончила туалет девушки и помогла той подняться на ноги, опираясь на ее руку, Анна с трудом смогла сделать несколько шагов. От переживаний она совсем ослабла, и служанка предложила ей выпить немного бульона, но Анна отказалась. Она не могла ничего есть и пить. Вечерело; за окнами было почти совсем темно, и Анна услышала мягкие звуки колокола, возвещающего о начале какого-то торжества.

- Ну, – ликуя, произнесла Северина, оглядывая перепуганную насмерть невесту, – кажется, готово все! Сейчас все случится!

От слов ее у Анны закружилась голова, кровь зашумела в висках, и девушка едва не лишилась чувств. Покачнувшись, она едва не упала, но вовремя была подхвачена Севериной. И в этот миг двери распахнулись, незнакомые люди – те самые, взглядов и осуждений которых Анна так боялась, – вошли в ее комнату и церемонно поклонились ей.

Глотнув воздуха, сохраняя ускользящее сознание усилием воли, Анна молча кивнула им на их полное почтения приветствие.

- Мы поможем вам дойти до места венчания, - произнес один из мужчин. Анна тайком рассматривала его через черную густую вуаль; он был молод и хорош собой, его черный наряд был украшен декоративными прорезями, в которых яркими, как кровь, вставками алел шелк.

«Герцог или граф, - в панике думала Анна, опираясь о его руку, предложенную ей. – Впрочем, все равно... все равно...»

С провожатыми идти было легче; с обеих сторон ее поддерживали под руки сильные мужчины, иначе она просто упала бы и не смогла подняться. Такая короткая дорога в часовню, которую Анна обычно проделывала в несколько минут сейчас заняла очень много времени, и, казалась, была нескончаемой. Глазами Анна отыскивала родителей, не взгляд ее натыкался только на грозную, зловещую стражу, которая, казалось, оцепила весь ее путь к алтарю.

И в конце этого пути, в свете золотых венчальных свечей, прекрасный, как воплощение божества, стоял Король.

У Анны ноги дрогнули, когда он обернулся к ней, и золотой свет бликами заиграл на его губах. Причудливая игра теней на его лице заставила Анну увидеть на его красивых губах легкую, мягкую улыбку. Его ласковый взгляд, исполненный гордости и огня, был обращен к ней, и Анне показалось, что Король даже замер, ослепленный ее великолепием.

Сам он не сменил свой наряд на что-то другое, более дорогое, Анна узнала его черно-синий костюм, белую тонкую линию кружев на вороте, но и так Король показался Анне самым красивым и ярким из всех, кто присутствовал на церемонии. Она дрогнула, оступилась, и ее ножка выскользнула из туфельки. Анна захромала, и ее провожатые тотчас заметили это. В нескольких шагах от алтаря и ожидающего Короля Анна была вынуждена остановиться. Один из ее провожатых опустился на колени, приподнял подол ее платья и отыскал туфельку. Лишь на мгновение маленькая изящная ножка в белоснежном чулочке показалась из-под богатого платья, и помощник от восторга ахнул, невольно залюбовавшись изящной точеной лодыжкой, крохотной ступней, которая оказалась меньше его ладони. Надев туфельку, он поднял взгляд, стараясь заглянуть под черную вуаль, а замер, ослепленный увиденным. В его черных глазах отразилось такое изумление и такое восхищение, что Анна смутилась, ниже опустив лицо и надежнее прикрывая его вуалью. Чтобы вывести из восторженного транса ее неожиданного поклонника, второму провожатому пришлось ткнуть его в бок, весьма непочтительно и чувствительно, и тот спешно поднялся, с силой потирая лицо, словно просыпаясь и отходя от прекрасного видения.

Анна испуганно глянула на Короля; игра теней теперь не могла обмануть девушку. Король больше не касался ей расслабленным, улыбающимся и нежным. В глазах его бушевал пожар; он смотрел почти с ненавистью на того, кто посмел рассматривать его невесту, и на лице его все явственнее выписывалось чувство, имя которому ревность.

Шепотки, сплетни уже поползли за спиной государя; как бы он не хотел скрыть особенность его юной жены, все давным-давно знали, что она – Седьмая Дочь, - а кое-кто даже знал, что это означает. И Король, отправляясь на смотрины, со злостью скрипел зубами, слыша, ощущая отвратительное слово, мечущееся над ним. Юродивая, юродивая – повторялось многократно, эхом отдаваясь от стен. Безумна, юродива – дышала толпа, провожающая своего Короля на это сватовство. Взлетающие к небу смешки казались Владу обжигающими ударами плети, и он – такой сильный, такой величественный, прекрасный, верхом на огромном черном жеребце, которого кроме него укротить не мог, - самому себе казался жалким изгоем, преступником вроде тех, кого гоняли по улицам, и беснующаяся толпа награждала несчастных насмешками и закидывала тухлыми яйцами.

«Черта с два вы достойны спасения, - зло думал Влад. Он не смотрел ни на кого, чтобы не дай бог не увидеть, не заподозрить издевки на чьем-либо лице и не сорваться, не велеть страже исполосовать кнутами посмеявшегося улыбнуться. – В любом из вас столько же порока, сколько и во мне. Но я Король; я не имею права так думать и бросать вас на произвол судьбы... Даже если мое бремя тяжелее вашего!»

И сейчас, стоя перед алтарем и глядя, как его придворный заглянул под вуаль невесте и замер, пораженный увиденным, Влад испытывал ровно два чувства: невероятного облегчения и гордости. Облегчения оттого, что стихнут ядовитые шепотки и издевки за его спиной, замолчат недоброжелатели, узнав, что с юной Седьмой Дочерью все в порядке, и гордости потому, что любой, кто взглянет на Королеву, скажет, что Королю воистину досталось сокровище.

Впрочем, еще одно странное чувство, неведомое ему ранее, коснулось его души.

Острозубое и горячее, как открытая рана, оно кричало и хохотало, от него кровь стучала в висках, и Влад испытывал такую боль, что едва сдерживался, чтоб не сорваться с места и не оттащить свою юную супругу от помогающего ей с этой проклятой туфелькой провожатых.

Ревность.

Глядя, как пальцы мужчины касаются крохотной ступни со стыдливо поджатыми пальчиками, как он поглаживает маленькую ножку – Владу казалось, что обостренным слухом он улавливает шорох ткани чулка в тот миг, когда ладонь мужчины бессовестно и интимно скользнула по лодыжке Королевы и прихватила ее маленькую пяточку, направляя ножку в обретенную туфлю, - он вдруг почувствовал непреодолимое желание самому встать на колено перед девушкой и обуть ее. Подержать ее тепленькую крохотную ступню в своей ладони, скользнуть выше, по стройным икрам, отыскать пальцами край чулка и прихватить разгоряченное бедро. Точно так же заглянуть под ее вуаль и с удовлетворением рассмотреть, как заливаются краской юной прелестницы в тот миг, когда его рука ласкала бы ее ноги...

Впрочем, инцидент с туфлей был исчерпан еще до того, как успокоилось его разыгравшееся воображение, и ручка девушки скользнула в его ладонь, отвлекая его от еще более смелых фантазий. Он с нескрываемым удовольствием слышал удивленные перешептывания, подобные быстрому шуму крыльев, в маленьком зале, наполненном самыми приближенными - что?! Как?! Хороша собой?! – и потому его руки приподняли и откинули плотную вуаль с лица девушки прежде, чем это решение оформилось и укрепились в его душе.

Это было тщеславно, очень тщеславно, но Влад не мог себе отказать в этом. Он едва не рассмеялся, слыша, как задвигались стулья, с которых начали подниматься изумленные гости, чтобы рассмотреть получше хорошенькое личико юной Королевы, и как изумленные вздохи взлетали над их головами.

«Да! – ликуя, подумал он, осторожно касаясь нежной щеки девушки, которая выглядела насмерть перепуганной и чуть не плакала, но на безумную вовсе не походила. – Я заслужил это. Ваше изумление после издевок и злорадства, которыми вы меня награждали... Это моя женщина! Она принадлежит мне – ни одному из вас не овладеть ею. Не сорвать поцелуя с ее прекрасных губ».

...Анне казалось, что она вся содрогается от бешеных ударов сердца. И когда Король тряхнул рукой, *раскрывая вороново крыло*и распуская перья, чтобы добыть одно – для подписания брачного договора, - и когда он выбирал кольцо... На бархатных подушках, поднесенных каждому из молодоженов, лежало их превеликое множество: разного размера, разно украшенных, простых и вычурных, тяжелых перстней и скромных гладких колец. Ритуал этот был древним, но скорее шуточным, чтобы разрядить обстановку. Назывался он Первый Подарок. Новобрачные выбирали друг другу то кольцо, которое, как им казалось, больше всего подходило их паре. Отвернувшись к своей подушке, Анна перебирала кольца, мучительно соображая, какое из них подойдет на палец Короля и не окажется ему малым или напротив – слишком большим. К тому же, она никак не могла понять, как кто она выходит замуж – как Анна

или как Изабель?! Ее пальцы касались сверкающих драгоценностей, в голове был сплошной хаос, и еще эти люди...

Казалось, в этот миг они позабыли обо всяком почтении. Они тянули шеи, высматривая, что выбрали Король с Королевой, некоторые даже повскакивали со своих мест, когда Анна, наконец, определилась со своим выбором и тоже *раскрыла крыло*, вытряхивая перо.

На сморщенную ладонь старого друида, который был призван заключить брак, почти одновременно легли два обычных золотых кольца, не особенно широких, но и не узких. Они были практически близнецы с той лишь разницей, что разного размера. Новенькие, недавно лишь изготовленные ювелиром, вероятно, не самым искусным, отлитые из светлого яркого золота, они нарядно и жарко горели золотым блеском, и Влад с Анной невольно ахнули и отпрянули друг от друга в изумлении рассматривая лица друг друга так, словно впервые видели.

- Добрый знак, - похвалил Друид. – Настоящая пара.

- Королевское благословение мастеру, - пробормотал Король машинально.

Кольцо, которое он выбрал, скользнуло на пальчик Анны легко и оказалось впору. И то кольцо, что выбрала она, подошло тоже – скорее, Влад удивился бы, если б то ему не налезло. Друид раскрыл книгу, ткнул коричневым пальцем в строки, и невеста молча и покорно выписала там свое имя, тем самым подтверждая свое согласие на брак.

Король подписывал после нее. Скользнув взглядом по длинному имени, аккуратно выведенному на бумаге, он чуть ухмыльнулся: то ли по привычке, то ли от растерянности, но девушка подписалась своим привычным именем – Анна, Первая Дочь Среднего Ворона.

Изабель канула в прошлое и там и растворилась без следа...

*Стомак * - от слова "живот"*

Женские наряды украшали нежными кружевами, огромным количеством бантов, изящной вышивкой и великолепными драгоценными камнями. И одним из обязательных компонентов был СТОМАК (в переводе с англ. — живот), который являлся треугольной пластиной, которая сужалась книзу с V — или U — образной нижней частью. Она являлась основной деталью передней части корсажа.

Эту прекрасную центральную часть женского платья старались оформить особенно красиво. Шнуровка, кружева, банты, драгоценные камни, вышивка золотыми нитями и серебряными, блески и синель, которую собирали в виде цветов. Сам стомак являлся отдельной деталью и приходилось потратить немало времени для того чтобы его прикрепить к платью — булавками, петлями, крючками или с помощью оригинальных застежек. Стомак был особенной деталью, так как его можно было снимать и прикреплять каждый раз к новому платью, постоянно меняю свой образ — дамы тех времен были ах, как изобретательны :)

© <https://www.livemaster.ru/topic/1391059-stomak-zhivot-na-plate-istoriya-odnoj-detali-starinnogo-platy>

Глава 7. Катание розового жемчуга

Сколько же сил, оказывается, было в тонком, хрупком на вид теле маленькой Изабель!
Каким испы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.